

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

ГЕРМАН ГОРШЕНЕВ

**ВСЕХ КОГО ТЫ ВОЗЬМЕШЬ
В ПЛЕН**

ИДДК

S-T-I-K-S

Герман Горшенев

**S-T-I-K-S. Всех, кого
ТЫ ВОЗЬМЁШЬ В ПЛЕН**

«ИДДК»

2022

Горшенев Г. А.

S-T-I-K-S. Всех, кого ты возьмёшь в плен / Г. А. Горшенев —
«ИДДК», 2022 — (S-T-I-K-S)

Стикс вечен, бесконечен, но не каждому выпадает счастье увидеть этот прекрасный мир из глубин космоса. Команде разбитого линкора-призрака придётся всё понять самой, но бойцов Нового человечества подобные мелочи никогда не останавливали. Пока на борту жив хотя-бы один член экипажа, корабль в строю и продолжает убивать врагов. Это взгляд с борта потрёпанного межзвёздного линкора, зависшего на кладбище кораблей над миром, который через несколько тысячелетий назовут Стикс. Новый человек, помни! Всех, кого ты возьмёшь в плен, придётся кормить твоей семье, которая трудится в тылу!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Герман Горшенев

Всех кого ты возьмёшь в плен

Глава 1

Пять линкоров

Пять линкоров-призраков – два несущих и три ударных – вывалились из гиперпространства над плоскостью эклиптики небольшой, почти потухшей звезды. Четыре небольших планеты вращались в этой звёздной системе. Линкоры-призраки были огромными, больше ста километров в длину кораблями и не имели аналогов во всей галактике. Насекомые, жуки, сколопендры и все остальные нелюди просто не могли вырастить такого размера корабли. Их называли призраками за то, что они выходили из гиперпространства уже с раскрытыми энергетическими щитами.

Не существует материалов, которые могут защитить от болванки, летящей с космическими скоростями, от умной мины с зарядами из расщепляющихся материалов. Не было такой силы, которая смогла бы противостоять ударам плазмы и лазера, кроме энергии. Ни один корабль во всей галактике не выходил из гиперпространства с выключенными щитами, вопрос был в том, насколько быстро восстановятся щиты после выхода в нормальную реальность. За это время всегда успевали отработать орбитальные крепости, хитрые разбросанные по всему космосу мины-ловушки, сработать, отреагировать, развернуться и подлететь автономные торпеды. Любой корабль, кроме этих исполинов, получал повреждения.

Этот выход не был исключением. Десятки тысяч маленьких автоматических убийц, мин, торпед и блокирующих систем устремились к линкорам, чтобы сгореть в развёрнутой энергетической защите могучих кораблей Новых людей, прикрывающих выходы остальной эскадры и уничтожающих в округе всё, что представляло опасность. Через несколько минут из гиперпространства начали выходить авианосцы, артиллерийские мониторы, появлялись десантные корабли, наполненные ударными танками и рвущимися в бой десантниками. Свои позиции занимали малые корабли, а десантные транспорты готовились раскрыться и выпустить армаду маленьких шустрых десантных ботов. Они донесут до кораблей нелюдей шагающие танки, которые вцепятся своими лапами и пробьют дыры в обшивке, а затем в эти дыры пройдут штурмовики.

Флот развернул щиты, а пятёрка линкоров рухнула на звезду, включив всю мощь мезонных реакторов, образов один-единственный большой щит. Гравитационный толчок получился столь сильным, что на мгновение удалось перекрыть тяготение светила и планеты начали расходиться, уже ничем не удерживаемые, на огромной скорости улета в открытый космос. С насыженных мест срывались орбитальные крепости и защитные системы, автоматика нелюдей теряла точки привязки и не могла сориентироваться в пространстве.

Бойцы Новых людей готовились к штурму. В десантные боты уже расселись экипажи закованных в штурмовые скафандры воинов. Взводные орали традиционное: «Всех, кого ты возьмёшь в плен», а бойцы во всю глотку отвечали: «Придётся кормить моей семье, которая трудится в тылу!» – и закрывали забрала шлемов. Командиры осматривали снаряжение, хлопали по головам подчинённых и последними садились в антиперегрузочные кресла. Шагающие танки, поджав лапы, компактно размещались в небольших, но шустрых транспортах, а тысячи малых кораблей – фрегатов, эсминцев, торпедоносцев – развёртывались в боевые порядки. Москитный флот истребителей сотнями тысяч заполнял космос.

Целью такого громадного флота служила всего одна небольшая планета, бережно охраняемая нелюдьми, как последний оплот. Новая модификация богомоллов, лучших штурмовиков во всей галактике, ждала своего часа. В недрах давно потерявшей свою атмосферу планеты, богатой ресурсами и заброшенной в этот далёкий край у ничем не примечательной и почти потухшей звезды, сотни миллиардов капсул ожидали выхода могучих, покрытых естественной бронёй штурмовиков. Быстрые, непобедимые, готовые драться в наполненных огнём и кислотой атмосферах близких к звёздам планет, в открытом космосе и в морях из жидкого метана, воины нового вида богомоллов были уже на последней стадии развития.

Эти миллиарды бойцов должны были занять место в десантных группах на всех кораблях флотов нелюдей и стать весомым аргументом за делёж галактики с Новым человечеством. Немало достойных бойцов отдали свои жизни для того, чтобы узнать координаты этой небольшой, ничем не примечательной планеты, чтобы сюда пришёл человеческий флот и уничтожил угрозу всем гуманоидным расам галактики. Надо было ликвидировать опасность раньше, чем она раскроет свои жвала и поднимет шипованные лапы.

В этой войне размеры росли столь стремительно, что большие корабли уже давно не пытались сжечь дистанционно. Слишком много энергии, сил и зарядов нужно, чтобы пробить толстую обшивку и погасить все щиты космических исполинов. Это касалось как людских, так и чужих кораблей. После того, как уничтожался флот поддержки, москиты, и пространство освобождалась от блуждающих мин, главные корабли брали штурмом и уничтожали изнутри. В этой войне сила десанта оказалось столь же нужна, как и огромные разгонные шахты линкоров и тяжёлых крейсеров, отправляющие во врага массивные многотонные болванки на скорости близкой к световой. Торпеды и даже заряды с расщепляющимися материалами могли только покалечить циклопического размера суда, но не уничтожить и не вывести их полностью из строя.

Пятёрка линкоров падала в корону светила. Это явление было известно как гравитационный лифт, но на самом деле корабль швыряло куда вздумается. В мире все энергии сохраняются. После того как перекрывается гравитационное поле звезды, щит линкоров получает удар такой же силы, как и прямое воздействие, и где окажутся корабли, предсказать было совершенно невозможно. Четыре линкора бросило в сторону второй планеты, где богомоллы растили своих воинов, а наш несущий линкор «Топор палача» откинуло на другую сторону светила, разогнав, развернув и придав огромное ускорение. Сейчас корабль оказался чуть ниже плоскости эклиптики, по ту сторону звезды, вдали от своего флота. Линкор был совсем один, а цель Новых людей находилась с противоположной стороны. Сейчас они дрались с флотом врага и были нужны там, а нам нужно было выжить здесь. Для линкоров-призраков гравитационный удар – это всегда огромный риск. Обычно корабли разбрасывает по сторонам, но были случаи, когда они уходили прямо и тонули в огне светила. Это происходило редко, но все знали, что так может случиться, и были к этому готовы, как и должен быть готов Новый человек встретить любую опасность. Нелюдей всегда было больше, и этот раз тоже не стал исключением.

Гравитационные демпферы были от перегрузок, пытались хоть как-то компенсировать рывки ускорения, чтобы их могло выдержать человеческое тело. Этот класс кораблей делали с невероятным запасом прочности. Любой артиллерийский монитор или тяжёлый крейсер уже давно бы разорвало в куски, но после гравитационного удара линкоры-призраки всегда швыряло, дёргало и крутило с огромным ускорением. Выжить могли только те, кто находился в специальных зонах, в антиперегрузочных креслах, похожих на шары, со всех сторон унизанных гравитационными компенсаторами, по несколько сотен раз в секунду меняющими направление искусственного тяготения. Компенсировать удавалось далеко не всё, и люди теряли сознание, а кровь из ушей и носа была обычным делом после такой карусели, но другого варианта не имелось. Случалось, что корабли ломало на куски, но это редко.

Без поломок не обходилось ни разу, и сейчас найдётся немало повреждений. Нередко корабли, размещённые в брюхе несущего линкора-призрака, срывало с опор и кидало по ангару. Обязательно будут пожары, поломанное оборудование, сорванные радары и автоматические турели на корпусе, вырванные с кусками обшивки, не выдержавшие ускорения. Но такие корабли созданы, чтобы делать невозможное, и сейчас больше сотни орбитальных крепостей, потеряв гравитационную опору, уходили в разные стороны, за долю секунды получив огромное ускорение. Нелюдям сейчас было не менее плохо, чем нам, вот только у них не имелось капсул гравитационной компенсации. Я не раз бывал на таких судах врага после боя. Все стены были заляпаны раздавленными гравитацией нелюдями, выдавленными из скафандров пауками, поломанными богомолами и выжатыми, словно по ним проехали тяжёлым круговым прессом, сколопендры, а мелочь просто прибывало к переборкам и расплёскивало, как будто из стакана на стену плеснули липкой мерзости.

За эти несколько секунд отсутствия гравитации вся звёздная система содрогалась, и вращающиеся по своим орбитам крепости, корабли, планеты и их спутники начинали движение согласно набранной инерции. Корабли могли выровняться и вернуться, а вот массивным орбитальным защитным кольцам и крепостям, всем этим монстрам с очень тяжёлым и мощным вооружением, способным уничтожить корабли самого тяжёлого класса, доставалось больше всего. Но за это надо было платить, и мы платили.

Как только «Топор палача» перестало вращать и кидать, по корпусу линкора прошла небольшая встряска, сообщившая о том, что одна из разгонных шахт нашла цель и отстрелялась по врагу. Затем ещё одна и ещё. Прошло довольно много времени, но встряска не повторилась. Основной калибр молчал. Странно. Вместо четырёх последовательных выстрелов было три, и всё. Мы больше не стреляли?

Я сделал запрос о техническом состоянии корабля. Гравитационный лифт никогда не происходил без последствий. Формально я был старшим техником основной ремонтной палубы, но имел права главного специалиста и доступ к информации обо всех системах линкора. Меня постоянно привлекали в качестве эксперта и не забрали от моих железок в руководители, только сознавая мою полезность именно здесь.

Одна из разгонных шахт вывернулась в момент перегрузок, а на остальные не было подачи болванок. Сами системы выстрела в полном порядке, но смещённая сломанная шахта перекрыла подачу зарядов, а протасить через месиво металла двадцатитонные стальные цилиндры с сердечником из керамики было невозможно. Эту поломку даже не пытались чинить, и понятно почему – до конца боя не успеем, на это нужен минимум месяц.

Остаться без главного калибра – это плохо, но наш линкор был несущим, а это почти авианосец. У нас на борту имелись почти все виды судов, от нескольких тяжёлых крейсеров до разношёрстной команды москитов. Наш флот уже вырвался в космос, и всё пространство заполнили отчаянные схватки кораблей. У нас было и ближнее ПКО и ракетное оружие, и разгонные шахты малых калибров, размещённые в башнях.

Я, как обычно, перемещался по своей палубе, словно бешеная белка, суя свой нос во все дела сразу. Иначе никак. Должность старшего техника основной ремонтной палубы всегда подразумевала суету во время боя. К нам отправляли всё, что, по мнению окружающих, уже не должно летать, но в нашем чудесном месте, наполненном необъяснимым механическим колдовством, возвращалось в бой. Умей я колдовать, было бы легче, а так приходилось пользоваться только изворотливостью и большим опытом ремонта во время космического боя.

Захваты зацепили торпедоносец и затянули в ангар. Кабина была просто вывернута, а останки тела пилота разбрызганы попаданием из разгонной турели и смёрзлись неопрятными кусками, покрытыми инеем. Попадание оказалось столь сильным, что даже сработавшие заряды отстрела не смогли вытолкнуть искорёженную бронекapsулу. Механика была в полном порядке, а вот электроника выгорела. Остался только биоинтегрированный модуль на

крохотных полуразумных животных, которые составляли основу искина торпедоносца. Вот эти козьяки и вернули машину к родному причалу. Они больше ничего не умели, только возвращаться обратно, и управление переходило к ним, когда электроника и пилот не могли выполнять свои обязанности. На моей памяти произошло не больше десятка подобных случаев, но обычно это были просто покорёженные груды металла, а тут новенькая машина, ещё и с торпедой. На моей палубе таких боеприпасов не было, это специализация четвёртого ангара.

Проверил состояние машины. Только закачать топливо, отковырять кабину с трупом и проверить, что с торпедой. Её вольфрамовый цилиндр стал металлическим бревном. По торпедоносцу прошла РЭБ-атакой серьёзная сколопендра, а затем кабину пробила болванка. Разбила только бронекapsулу, мгновенно убив пилота, но не повредив всего остального. Козьяки биоинтегрированного управления имеют прямой доступ по обычным проводам, для того они и создавались, и их можно попросить опять вернуть машину в ангар. Интересно, а как лететь без электроники? А как раньше летали? Для полётов нужен только мотор и штурвал, остальное выдумки трусов! О! А торпеду можно поставить на удар. Там только механика, при ударе отламывающая магниты, удерживающие долю минус-грамма антиматерии.

Тем временем дроны уже отодрали кабину с трупом и приварили антиперегрузочное кресло, которое я когда-то демонтировал из старого десантного бота. У меня тут полно всякого хлама, никогда не знаешь, что понадобится. Вольфрамовое бревно с мотором готово выполнить функцию торпеды, а вместо кабины приварено кресло под штурмовой скафандр. На все мои придумки и издевательства над торпедоносцем ушло меньше пяти минут. Я просто не могу себе больше позволить. Картину завершили два тяжёлых десантных меха, вцепившихся лапами в нижнюю и верхнюю полусферы машины. Дроны приварили им лапы к корпусу, для прочности. В случае абордажа толку от этих мехов внутри ангара мало, больше наломают, чем помогут. Они разрабатывались для наступления и имели избыточное вооружение, а как ближе ПКО вполне сгодятся. Полюбовался на свою работу – красота!

Машины обычно хорошо защищают пилота, но этот случай исключение, поэтому в серии боя пилотов, как правило, больше, чем техники, какие бы запасы резервных малых кораблей ни делали. Многие пилоты возвращаются в эвакуационных капсулах, кто-то на издыхающих машинах, а кого-то в процессе боя эвакуируют с разбитых и болтающихся в космосе летательных аппаратов.

– Парни, нет пилотов, желающих прокатиться на экспериментальном малом торпедоносце 77-й модели? Надеваем штурмовой десантный скафандр вместо лётного. Жду добровольца на ремонтной палубе.

Про желающих я пошутил. Уверен, что хотят все безмашинные пилоты, но пусть сами решают, кто полетит. Через пять минут доброволец был на месте. Ого! Это ж надо – снять лётный скаф, надеть десантный и успеть добежать. Для бойца самым странным требованием была смена лётного скафандра на огромный и громоздкий штурмовой. Он думает, что это самое странное? Тогда я сейчас удивлю летуна. Показал на машину с приваренными мехами:

– Кабина была разбита, управлять будешь, как обычным транспортным модулем, через стандартный разъём. Кресло и боевой скафандр гасят перегрузки, кабина тебе не нужна. В скафандре регенеративный цикл воздуха на три недели. Зенитного вооружения не будет, со штурмовым скафом оно всё равно не интегрируется. Как вылетишь, ставь мехов в автоматический режим, пусть сами отстреливают, кого достанут, а твоя задача – торпеда. Ты понял? Она на удар. Я отключил искинов, всё на глаз. Надо отстрелить по направлению. А! Вот! Я тебе сейчас полоску на носу нарисую, – и послал небольшого дрона, который ловко залез на торпедоносец и нанёс магнитным полимером белую полоску.

– Смотри сюда, – привлёк я внимание пилота, постучав пальцем по забралу. – Вот эта полоска должна быть направлена на корабль нелюдей. Посудину выбирай побольше, чтобы наверняка попасть. Пустил и поворачивай возвращаться за следующими торпедами. Инструк-

пии для техников четвёртого ангара я тебе загрузил, они поймут, что с тобой делать. Ты понял? Отстрелил, разворачивай машину и включай возвратный автопилот на биоинтегрированном модуле, он тебя туда выведет, у меня торпед нет. Удачи! Полетел!

Пилот стоял в недоумении. Я ещё раз постучал ему по стеклу шлема пальцем, отвлекая от глубоких мыслей о технических новинках. Показал на кресло, помог закрепить и подал команду на старт. По традиции хлопнул рукой по корпусу около маневровой дюзы и дал добро на вылет. Ускоритель выпихнул машину в космос.

Пять минут на переделку, пять минут на переодевание экипажа, две на инструктаж и две на вылет. Итого четырнадцать минут на возвращение в бой машины, которой светил как минимум капитальный ремонт. Я молодец!

Пилот был шокирован и поражён тем, что я тут устроил. Он не рассчитывал полететь в космос в одних бронетрусах на бревномёте, потому что торпеда без искина – это самое что ни на есть вольфрамовое бревно с крохотной долей минус-грамма антиматерии. Зато никакие РЭБ-атаки такому боеприпасу не страшны.

Я бы никогда не отправил смертника. Бой давно превратился в собачью свалку. К нам на помощь флот всё-таки послал два корабля. Это были тяжёлые крейсера – очень мощные и серьёзные противники против кораблей большого класса. Скоростные и вооружённые, они успели вовремя, но малых кораблей, которые они несли на борту, было совсем немного. По два десятка фрегатов малого класса и чуть больше полусотни истребителей на оба крейсера. Тяжёлые крейсера предназначались для боя в строю и всегда должны были находиться в составе эскадры, где несущих кораблей хватало и без них.

Всё давным-давно перемешалось, и ни о каком построении речи быть не могло. Корабли распределились не только в плоскости, но и в объёме, все стреляли во всех, малые корабли отчаянно маневрировали, пытаясь уйти от огня и подловить момент, когда можно будет нанести неприятелю максимальный урон. Всю эту картину усугублял обломок орбитального кольца нелюдей, который каким-то чудом подобрался к месту боя. Главного калибра на нём не было, зато имелось какое-то совершенно невменяемое количество систем ближнего ПКО. Ни до кого эти средства обороны не доставали, зато враги выплёвывали в космос невероятное число выстрелов в никуда, которые дополняли картину общей суеты и заполняли всё пространство. При этом им было всё равно, в кого попадёт заряд.

Так что у парня, даже если он будет лететь просто на табуретке или на грузовой тележке со склада, среди этой всеобщей сутолоки и неразберихи были очень неплохие шансы добраться и выпустить бревно. Вольфрамовая торпеда горит плохо и предназначена для того, чтобы проходить сквозь энергетические щиты. Только полностью накачанный энергией щит может удерживать такой снаряд, но я очень сомневаюсь, что хоть у одного из кораблей сейчас был такой.

Я услышал в наушниках голос моего второго помощника:

– Думал, вы кабину снимаете, чтобы мы могли товарища после боя с почестями похоронить, а вы смогли этот металл воевать отправить! А полоска на носу! Как вы это придумываете?

– И похороним тоже. Обязательно всех соберём и окажем последние почести нашим товарищам. Дрон уже отнёс останки в шлюз. Там сейчас вакуум и космический холод, но это после боя. Летунов полно, а машины уже заканчиваются. Очень неудачно нас в этот раз выкинуло.

Помощник поднял руку в знак согласия.

Разумеется, эти пятнадцать минут я потратил не только на один торпедоносец. Дроны под моим управлением починили ещё несколько машин, вернув их в бой, но это были обычные дыры и поломки, требующие только стандартной работы без изысков. Ко мне бежала Ирма, показывая экран тактического наладонника. Она была руководителем моей охраны. Комиссованная из штурмовиков по ранению, девчонка рвалась в бой и скрипела зубами, когда обходилось без прямого abordжа нашей ремонтной палубы. Сейчас она светилась от счастья, и мне это совсем не нравилось.

– Товарищ Илли, пауки! Два десанта! Пауки в реакторе, богомолы около второго ангара. Штурмовики Улдиса уже сбросили богомолов, а десантный бот нелюдей отстреливается, не могут подойти.

– Отставить бот. Ирма, сообщи, чтобы не лезли. Скорее всего, он на автомате. Попроси, чтобы на возврате кто-то из летунов по нему ударил. Богомолы зенитного вооружения на такие корабли не ставят, а парни могут подставиться. Давай мы пауками займёмся.

Ирма кивнула, что-то кратко сказала в переговорное устройство и показала план-схему на тактическом коммуникаторе.

Я задумался. Ирме всегда пострелять в радость, а мне только десанта сейчас не хватало. Ремонтная палуба не самая большая по объёму. Крупные корабли в космосе не чинят, а просто стыкуют на свои места в причалы и выгружают на стационарные ремонтные доки. Зато моя палуба длинная, и как бы ты ни двигался, всё равно обойти её не сможешь. Пауки – это не богомолы, и мы справимся без проблем, но как не хочется прекращать работу! Придумал!

– Ирма, а давай их утопим и сварим? Они потом сюда пойдут. Тут самые тонкие переборки. Возьми двух штурмовых мехов и одного ремонтного дрона с резаком по термостойким сплавам и со сварным модулем. Вот здесь завариваются переборки и двери. Тут кабель связи с основным искином, а тут искин реактора. Ты его просто сломай, а тут отрежь. Найдёшь коробку?

Всё было просто. Это особенность конструкции корабля. Основные реакторы глубоко внутри корпуса, а вспомогательные, на расщепляющихся материалах, разбросаны по всей длине между ангарами. В бою может быть что угодно, а находящийся под боком реактор всегда обеспечит энергией. Однако держать такие вещи внутри основного корпуса тоже не стоит, поэтому их выносили наружу, размещая между внешней бронёй и жёстким несущим корпусом. Сейчас паукам было проще всего расковырять обшивку и пройти через реактор, чтобы попасть внутрь, в остальных местах их ждала монолитная многометровая броня, которую они переносным инструментом неделю будут дырять. Я продолжил:

– Пятый ангар мы давно потеряли, нам этот реактор не нужен, под нами основной мезонный. Мы сейчас от него энергию получаем, у нас полкорпуса не работает, так что мощности с избытком, а вот пауки мне тут не нужны. Пока дрон заваривает переборки, пристрели искин реактора, а то он не даст нам так сделать. Выводи реактор на полную мощность и глуши.

Это старая проблема всех реакторов на расщепляющемся материале. Если активная зона выходит из-под контроля, её глушат композитом графита, но на несколько секунд температура скачкообразно повышается. Единственный способ – начать глушить раньше, не доводя до пика и оставив место на скачок. Для этого и надо было сломать искина, иначе он просто не даст раскатать реактор в опасную зону. Я продолжил инструктировать:

– Ирма, выведи реактор на полную мощность, а потом резко глуши, опускай стержни и прикажи мехам перебить эти коммуникации. Весь отсек заполнит радиоактивным перегретым паром из контура охлаждения. Коммуникации слишком прочные, заряды даже не пытайся закладывать. Как начнёшь опускать стержни, сразу беги сюда, закрывай и заваривай переборку. Смотри на меня, – я постучал в стекло шлема пальцем, привлекая внимание.

Это была моя дурацкая и страшно раздражающая всех привычка. Зато я точно знал, что на меня обратили внимание, а не мечтают о великих победах на дальних окраинах космоса. Я даже почувствовал, как девчонка скривила губы. Они тут все так делали, когда я использовал этот способ привлечения внимания, просто через прозрачное стекло скафандра техника видно, а через затенённое стекло штурмового скафа – нет.

– Пара из активной зоны хватит, чтобы сварить всех пауков и выдавить в космос, а давление будет таким, что если повезёт, то может и десантный бот сорвать. Первого меха оставляй внутри, коммуникации разрушать, а этого с собой – и не геройствуй. Ты единственный тут

штурмовик, если что случится, ты мне нужна здесь. Тебе придётся в одиночку защищать всю ремонтную палубу.

Ирма кивнула. Она всегда была падка на щедрые обещания, и объяснить, что нельзя геройствовать, было невозможно, только обменять геройство там на гораздо большее здесь и немного потом.

На своей палубе я мог выставить до двух десятков автоматизированных мехов с тяжёлым бортовым вооружением, и Ирмин разгонник особо ничего не решал, но был нюанс. В прямом бою, где нужна только скорость реакции и калибр, машины во много раз превосходили людей, но если что-то пошло не по плану, ни одна механизированная система, какой бы быстрой и вооружённой она была ни была, не заменит выдумку, хитрость и подлость обычного бойца. Я в этом не раз убеждался и не хотел далеко отпускать девчонку от технической палубы.

Она убежала, уводя за собой две бронированные многолапые машины и ремонтного дрона, а ко мне уже бежал следующий соискатель мудрости старшего техника. То есть моей.

Глава 2

В упор

Палубы линкора трясло от попаданий вражеских орудий. Нелюди прекрасно понимали, что пока они не уберут отсюда наш корабль, расположившийся с другой стороны светила от основного боя, спокойно заняться борьбой с главными силами им не дадут. На «Топоре палача» имелось немало средних кораблей, которые разлетались по всей звёздной системе и наносили фланговые удары. У меня не было полной картины боя, но я отлично понимал, что выпущенные нами лёгкие корабли делали будоражащие удары, разрывали порядки и вносили сумятицу в построение нелюдей, и без того столкнувшихся с серьёзной опасностью. Мы страшно всех раздражали, нас хотели придавить как можно быстрее и не считались с потерями.

Доклады о высадившихся абордажных командах сыпались не прекращаясь, враги не жалели сил и всё, что могли подтянуть к нашему кораблю, тащили не раздумывая. Два тяжёлых крейсера, присланных флотом, отлично держали крупные корабли насекомоподобных на расстоянии, но этот класс не был создан, чтобы бороться с многочисленной мелочью, кроме той, которая подлетала совсем близко. Большая часть малых человеческих кораблей была далеко, обеспечивая поддержку основным силам, и многочисленные десантные боты с богомолами и пауками проскакивали через прикрытие крейсеров, и прилипали к обшивке «Топора палача» постоянно. Оповещения о потере отсеков сыпались сплошным потоком, а линкор превращался в груды металла. Уничтожить корабль такого класса одним или даже десятью попаданиями самых мощных зарядов было невозможно, и единственный способ, доступный врагу – сделать это изнутри. Кстати, подобное относилось как к кораблям человечества, так и нелюдей. Наши штурмовые группы разрывались, мечась от одного края корабля до другого, а в основной командной рубке шёл постоянный бой.

В коммуникаторе я услышал теряющийся в помехах через разрушенные ретрансляторы корабля голос своего товарища, а ныне командующего «Топором палача». Я с ним прожил всё детство, прошёл учебку и пошёл в техники, а он в штурмовики, чтобы через много лет снова встретиться на одном корабле.

– Или, у нас ещё четыре десанта богомолов. Наш корабль уже не боевая единица, а груды летающего металла, а это уже твоя специализация – оживлять мёртвое железо. Я знаю, ты обязательно справишься – ты лучший из тех, кто может это сделать. Это приказ. Я так хочу. Прощай, друг.

Корабль сильно дёрнуло, на коммуникаторе появилось сообщение о полной потере капитанской рубки, а затем о сработавшей системе самоуничтожения. На тактическом мониторе высветилась надпись, что я назначен непилот-капитаном несущего линкора-призрака «Топор палача».

Они подорвали себя вместе с несколькими сотнями ударных богомолов. Это было правильное решение – унести с собой самых сильных штурмовиков нелюдей.

Отчёт об общем состоянии корабля можно было не смотреть. Ещё до потери капитанской рубки линкор по всем законам технического обслуживания был мертвецом, и только упрямство Новых людей вселяло в эту груды железа жизнь. Мы всегда так делали. То, что пауки бросали, для человека было боевой единицей, пока на корабле оставался хотя бы один живой.

Я непилот-капитан линкора-призрака! Сразу вспомнил: «Боец, помни! Всех, кого ты возьмёшь в плен, придётся кормить твоей семье, которая работает в тылу». Эту фразу впервые произнёс мой тёзка – герой ещё самой первой войны с нелюдями, один из командиров штурмовых ботов. Новые люди только-только осваивали систему принудительной стыковки, а

его подразделения были на редкость удачливыми и результативными. Они убивали нелюдей в разы больше, чем кто-либо до этого.

Потеряв в бою руку и ногу на противоположных краях тела, когда ещё не было системы регенерации, товарищ Илли не смог воевать, зато стал учить. Прошедшие его школу бойцы убивали врага намного чаще своих товарищей и погибали в разы реже, а его методика волной распространилась по всем учебным центрам и боевым лагерям, где готовили штурмовиков. Как-то на одном большом праздновании, посвящённом выпуску очередных бойцов, именно с этих слов в прямом эфире Илли начал свою речь на десятки звёздных систем и тысячи боевых кораблей. С тех пор двери жилых модулей, фотографии девчонок, наших боевых подруг, которые с удовольствием позировали для нас в красивой одежде или без неё, открытки из дома, боевое оружие от самых маломощных разгонников до торпед, способных в одно попадание сжечь матку улья, украшала эта фраза.

Эти слова героя, положившего начало науки штурмовых действий малых абордажных групп и принудительной стыковки, были повсюду. В честь товарища Илли давали имена детям, в том числе и мне. Мои родители хотели видеть во мне могучего штурмовика, первым врывающегося в корабли нелюдей и убивающего их сотнями, но так получилось, что я был одарён талантом работать с людьми и машинами, причём с чем больше, сказать сложно, и пошёл в подразделение техников. Тут мой талант по-настоящему развернулся, здесь я занимался тем, что лучше всего умел в жизни – соединять людей с техникой и отправлять в бой. Родители тайно вздыхали, но, видя мою пользу куда выше, чем у любого из штурмовиков, только пожимали плечами. Наверное, у каждого имени есть своя судьба. Хотел бы я, чтобы сейчас на меня посмотрели мои родные. Никогда не думал, что стану непилот-капитаном линкора-призрака.

– Товарищ Илли, мы на сближении! – прозвучал голос капитана среднего крейсера «Собачья кувалда».

– Оборудование менять?

– Да, опять паршивцы всё поломали.

– Принял, заходите, – ответил я и дал команду дронам.

«Собачья кувалда» – странный корабль инопланетной расы, сделанный из астероида, состоящего из алмазов, никеля, молибдена, вольфрама и мельчайших прожилок высокотемпературного сверхпроводника, выработанного вымершими миллиарды лет назад микроскопическими живыми организмами. Материал корпуса был настолько прочен, что превосходил всю известную броню и даже экспериментальные виды бронепластика.

На всю звёздную систему ильгвийцев такой астероид оказался один, в соседних системах подобных камней не обнаруживали. Откуда он взялся и как воссоздать подобный состав, было непонятно, но использовать можно. На его основе был сделан странный кораблик. Почему он называется «Собачья кувалда» – представления не имею, и классифицировался он весьма приблизительно, как средний крейсер. Как можно классифицировать кусок камня с мотором? Зато этот летательный аппарат мог влезть в самую гущу боя и принять на себя бесчисленное количество ударов самого разного оружия. Сверху, как обычно, оказалось расплавленное и выжженное месиво из оборудования, оружия и навесных систем, а внутри ухмыляющийся во всю рожу довольный экипаж.

Ещё в самом начале боя, прямо под моей ремонтной палубой, в обшивке линкора образовалась огромная дыра в два яруса высотой. Её пробило одним из попаданий главного калибра с орбитального кольца нелюдей. Этот странный корабль уже два раза заходил в неё, чтобы смонтировать оборудование на корпусе, вместо разбитого.

«Собачью кувалду» мы перевозили в ангаре для тяжёлых крейсеров, и ремонтного оборудования там не было. Если корабли большого класса получали повреждения, их просто забирали и чинили после боя. Как правило, с полностью выжженной поверхностью корпуса списывали, но «Собачья кувалда» был исключением, и парни приспособились подходить к дыре

под моей ремонтной палубой, а я отправлял караван дронов с быстро монтируемым оборудованием.

С серьёзной починкой не заморачивались, просто облепляли корпус контейнерами с автономными блоками оружия, наспех восстанавливали радарные комплексы и меняли датчики взамен уничтоженных. Удобная это штука – корпус из практически неразрушимого астероида. Почему бы не воспользоваться возможностью починки, если совсем рядом с ремонтным блоком образовалась такая отличная пробоина, практически совпадающая по размеру с габаритами крейсера?

Неожиданно с корабля-астероида мне начали орать:

– Мы стыкуемся! Готовьтесь к удару! В нашей дырке десант нелюдей! Больше десятка ботов с богомолами! Подошли в невидимости, под прикрытием сколопендр. Попробуем корпусом придушить! – заорал командир «Кувалды».

– Принято!

Я дал оповещение на общем канале, что будет рывок.

Ничего никому объяснять не надо. Для космоса рывок, разгерметизация, включение и отключение гравитационных полей – стандартные процедуры, и все знают, как поступать. Лично я взялся за поручень и мельком глянул на параметры скафандра. Энергии было полно, магнитные подошвы отлично держались за пол ангара и ломаться не собирались.

Линкор немного дёрнуло. Масса этого небольшого кораблика была впечатляющей. По размерам средний крейсер, а масса как у тяжёлого.

Я дал команду искину предоставить отчёт о повреждениях. «Собачья кувалда» запрессовался в огромную пробоину, через которую внутрь корабля хотели пробраться нелюди, высадив десант. Станный корабль-астероид практически идеально подошёл для этой дыры и вошёл заподлицо. Десяток десантных ботов богомолов – страшная сила, способная вывернуть несколько отсеков линкора наизнанку. Теперь «Кувалду» будет непросто выколупать из борта «Топора палача», и уж точно не в этом бою, но и с бойцами врага вопрос был решён.

Не успел я ещё осознать свою новую должность, только решив вопрос с подкреплением нелюдей, когда со мной связались со станции дальнего слежения, каким-то чудом уцелевшей на носу корабля, и сообщили, что Третий великий ударный флот богомолов выходит перед нами из гиперпространства. Это было невозможно. Нелюди, теряя систему, бросили на нас всё, что можно было быстро подтащить, но Третий великий богомолов должен быть в другом секторе галактики. Об этом знали все, но как он оказался тут? Разбираться было некогда. Корабли выходили один за другим. Армада пока никуда не двигалась. Десанты врагов продолжали калечить линкор, а остальные корабли бросили «Топор палача» и пытались отогнать несколько наших тяжёлых крейсеров от беззащитной эскадры.

Пока энергетические щиты не открыты, даже шарики из роторов, не говоря уже о болванках из разгонных шахт, гарантированно наносили повреждения и самым сильным кораблям. Сейчас бы из наших разгонных долбануть. Двадцатитонные болванки в этой ситуации самое то.

Линкор оставляли в покое, а крупные корабли нелюдей отходили в сторону прибывающих врагов. С приходом этого флота у них появился шанс. Обычно щиты раскрываются около часа, у самых крупных кораблей до двух-трёх, а «Топор палача» был повернут как раз в сторону третьего флота. Лучшее время ударить, нанося огромные повреждения, однако вывернутая во время гравитационного лифта шахта полностью уничтожила систему подачи болванок.

Пока думал, проверил данные отчётов, хотя и видел это раньше, но нужно было обязательно убедиться, чтобы потом не ругать себя. Привычка, с годами выработанная старшим техником, всё проверять по пять раз. Пусть мельком, пусть на долю секунды глянуть ещё раз. Глаз зацепился на грудку мусора посреди отсека, который вытаскивали дроны, освобождая место под прибывающие поломанные корабли. В бою чинят ровно настолько, чтобы опять полетело, и то, что не нужно конкретно сейчас, проще отрезать, чем доделывать. Всё это имущество мы

скидывали в космос или в дальние углы ремонтных палуб, а если корабль не был ремонтпригоден, его тоже выкидывали в космос либо оттаскивали в дальнюю часть ангара.

По всей ремонтной палубе лежали груды железа, БК от ящиков с шариками для роторных орудий до снятых ракет и торпед, битые кабины, куски разрезанных малых кораблей. Идея полностью оформилась. Что-то чинить смысла уже не было. Если перед нами оказался Третий великий флот богомоллов, то мы уже ничего не сделаем. Или сделаем? Пользуясь приоритетом непилот-капитана линкора, я взял под управление всех мехов и дронов, до которых дотянулся с помощью ретрансляторов и которые не вели бой в составе штурмовых групп. Я заставил машины схватить манипуляторами всё, что они сами посчитают нужным, и отправил к разгонным шахтам, разделив на три части.

Цепочки механических помощников потянулись к главному калибру, по пути подгребая груды мусора и добросовестно отчитываясь о прихваченном имуществе. Болванка весит двадцать тонн, а дронов и мусора я насобиравал раза в три, если не в четыре больше. Чего тут только не было! Тяжёлые мехи, ремонтные дроны и вся мелкая машинерия, которой я смог отдать команды. К шахте тянулись цепочки послушных механизмов, залезали внутрь и схватывались лапками, образуя подобие болванки. По пути они собирали всё, что попадало в визоры камер и можно было утащить, отодрать и уволочь. Кто-то держал куски обшивки, кто-то прихватил несколько ящиков с шариками для роторного орудия, крупный фронтальный мех притащил с собой даже две торпеды, а один мелкий и шустрый дрон отодрал от стены сиденье для отдыха и гордо шествовал с роскошным креслом.

Машины хватали всё что можно и тащили к разгонным шахтам. Если я не могу загрузить болванки, то попробую дать выстрел мусором. Блоки накачки полны энергии, не было только самого заряда. Как поведёт себя насыпанная груда железа в момент разгона – не знал никто. Эксперименты с разделяющимися частями разгонного заряда проводились, но на околосветовых скоростях заряды, не имевшие монолитной конструкции, как правило разлетались внутри ствола. Могли вылететь, а могли и улететь с частью разгонной шахты. В серию такие системы не пошли из-за их неоднозначности. Всегда был вариант сделать один удачный выстрел, а потом долго чинить оторванные с мясом детали.

В любом случае если не попробую сейчас, то потом, возможно, чинить уже будет некому. А почему бы и нет? Сию секунду и для данных обстоятельств это отличная задумка. Я улыбнулся. Мысль «А почему бы и нет?» пришла немножко позже, чем я отдал команду дронам загружать мусор в блоки зарядов. Это тоже особенность моей психики. Вначале всё быстро проанализировать, раздать команды, а потом думать, морща лоб и сдвигая брови. Если со стрельбой дронами и мусором не получится, то через несколько часов Третий великий ударный флот богомоллов разнесёт тут всё в клочки и наши дроны уже никому не понадобятся.

По всем законам технического обслуживания корабль был уже мёртвым, разложившимся и сгнившим трупом, от которого почти ничего не осталось, хотя мы могли ещё один раз выстрелить. Но как это сделать в космосе, когда не работает ни одна система навигации и представления не имеешь, где находится флот нелюдей?

Я нёсся к комнате смертников. По кораблю таких комнат было несколько, чтобы старший офицер корабля мог зайти и уничтожить корабль вручную, когда отказали все системы автоматики, или управлять лично. Наверное, я первый непилот-капитан за всю историю Нового человечества, что решил оттуда поуправлять. Укрытый за бронёй, я решил подавать команды маневровым двигателям через ручное управление. В этот отсек не заглядывали даже роботы-уборщики с момента, как «Топор палача» сошёл со ступеней. Сейчас не работал ни один экран, только несколько тумблеров и рычагов прямого управления. Пульт состоял из древних контактов, сделанных на основе медных клемм, покрытых золотом и палладием, и проводов толщиной с палец, уходящих в глубину корпуса. Всё это стыковалось с кнопками, которые надо

нажимать, и тумблерами, которые надо переключать. Эта комната должна быть распакована, когда корабль погибает.

Сжигаемый РЭБ-атаками, в любых обстоятельствах, будь то вакуум или горящая кислота... однако рукоятки управления должны сработать. Но как это сделать, когда мертвы все экраны? Почему-то никто не об этом не подумал. Может, потому, что эта расположенная в центре корабля комната была данью традиции и не могла быть использована ни для чего, кроме самоуничтожения? Кнопка его исправно светила индикаторами готовности, но не сейчас. Пока руины грозной боевой машины могли ещё что-то сделать, нужно было драться. Никто не предполагал, что в этих рычагах вообще будет необходимость.

Я попробовал связаться хоть с кем-то. Полумёртвый искин пытался ретранслировать сигнал через остатки оборудования. Мне ответил командир штурмовиков. Они как раз были около внешнего корпуса. Мы часто общались, и я его узнал по голосу.

– Улдис, твои могут выйти на броню? – спросил я бойца.

– Да, товарищ непилот-капитан, – бодро ответил штурмовик, хотя, зная, сколько времени он провёл в бою, надо отдать должное его бодрости.

– Либо ты, либо кто-то, к кому я могу подключиться, пусть выйдет на броню и сядет сверху разгонной шахты. Пристегнётся тремя тросами. Смотрит прямо по направлению, ничего не делает. Только обязательно, ты слышал? Это приказ! Обязательно пристегнуться к броне не меньше чем тремя фалами страховки, остальных парней, кто успеет добежать, сажай в антиперегрузочные кресла. Если не можете, где-нибудь там цепляйтесь к корпусу, скоро дёрнет.

– Так точно! Сам сделаю, у меня офицерский канал, общий давно не работает.

Через несколько минут мне уже транслировали картинку с камеры боевого скафа. Глазами штурмовика я видел изуродованный корпус, сожжённую вместе с десантом богомоллов командную рубку и вывернутые прямыми попаданиями дыры, ранее бывшие ангарами для кораблей. Боец закрепился на броне и смотрел вперёд, вдоль разгонной шахты. Я очень осторожно подавал питание на маневровые двигатели. Ещё ни разу в истории космического флота корабли подобного класса не управлялись прямыми переключателями на глаз, через сидящего на броне парня. Энергии было полно, реакторы, размещённые в глубине корпуса, исправно давали мощность, а системы накачки наполнялись под максимальные значения. Пожалуй, кроме энергоблоков, сейчас ничего и не работало. Дранный корпус, выжженные системы ПКО. Полусумасшедший искин, потерявший 98 % датчиков, был новорождённым ребёнком. Всюду рвались коммуникации, размораживаемые космическим холодом и перегружаемые бесконтрольно подающейся энергией.

Используя электронику скафандра Улдиса, я как мог навёлся на флот богомоллов и дал залп. Никто раньше не давал команды на выстрел сразу трёх разгонных шахт. Удар был столь силен, что вздрогнул весь корабль. Оборудование срывало со станин, дроны катались по проходам, пытаясь цепляться лапами, людей швыряло по сторонам, рвало электропроводку, лампы гасли, экраны вырывало с мясом. В космос уходили три огромных пучка стального мусора. Чего там только не было! Обломки оборудования, детали, разные предметы быта от ложек и ножей до табуреток и открученных со стен откидных столиков. Были ящики с твердосплавными шариками для роторных орудий, разносящие сотни миллионов маленьких, в несколько миллиметров, кусочков смерти; стружка, что насверлили по моей команде ремонтные мехи; даже мебель, куски переборок и медкапсула, которую смогли отодрать в разбитом медблоке.

Всё это разлеталось широким веером. Радиус разлёта был почти в сотую долю градуса. Космический мусор, разогнанный до близкой к световой скорости, обрушился на вышедшую из гиперпространства армаду богомоллов, выпустившую к тому времени весь москитный флот и малые корабли. Врага накрыло залпом. Никто раньше не стрелял сразу из трёх разгонных шахт, и линкору не хватило жёсткости корпуса выдержать такую нагрузку. Одну из шахт оторвало и

выдвинуло из корпуса, реактор накачки раздавило, его сейчас глушила автоматика, но мусор в сторону врага ушёл полным составом.

Тактический монитор на моём шлеме пестрел сообщениями о поломках, разгерметизациях, было много раненых. И это несмотря на то, что всем был отдан приказ надеть самые прочные костюмы, и те, кто мог, должны были быть в антиперегрузочных креслах. Однако погибших на «Топоре палача» не прибавилось, все пережили эту встряску.

Грозный линкор не зря носил такое имя. Даже будучи истерзанным и почти мёртвым, он снова показал зубы. Нелюди по меркам космоса били в упор. Корабли врага можно было видеть невооружённым взглядом, а вот энергетические щиты развёрнуты не были. Кроме них нет такой силы, которая способна удержать космический мусор, летящий на околосветовой скорости. Обшивка крупных кораблей превратилась в сплошное месиво из разорванных радаров, вывернутых башен ПКО, пластика и живой плоти, а малые корабли вспучивало и разрывало шариками от роторных орудий, стружкой, вилками и открученными сидушками. Целей было слишком много, чтобы их могла уничтожить даже система ПКО флагманов. Каждый из кораблей эскадры нелюдей получил свою порцию, а mosquitoный флот просто перестал существовать. Не осталось ни одного малого или среднего корабля, на котором не было бы серьёзных повреждений.

«Топор палача» сделал много больше, чем мог. Делать что-то ещё на истерзанном линкоре на первый взгляд было бесполезно. Я уже знал, что на той стороне звезды с флотом нелюдей покончено и сейчас готовится десантная операция на планету, а основной флот уже шёл к нам. Эскадра Нового человечества стремилась как можно быстрее ударить по остаткам флота врага.

В брюхах больших кораблей нелюдей повсюду вспыхивали межпространственные переходы. Трусливые высшие покидали флот, уходя в гиперпространство и бросая на растерзание свою поверженную армаду. Оставшихся боеспособных кораблей у чужаков оказалось слишком мало, чтобы перехватить все идущие на abordаж человеческие суда и отбиться от атакующих кораблей.

Стоя посреди комнаты смертников, я не мог видеть всего, но восторженный Улдис рассказывал в малейших подробностях. Раскачиваясь на двух оставшихся тросах, он восторженно орал, что три ударных линкора-призрака – «Профессор Ульги», «Фреза» и «Не берущий пленных», выходили из-за звезды и каждые несколько минут отстреливали из своих разгонных шахт гигантские двадцатитонные болванки, уносящиеся к кораблям нелюдей, так и не раскрывшим защитных щитов. Посудины врага превращались в месиво из металла, пластика и живой плоти. Великий флот богомоллов прекращал своё существование. Вспухали и разрывались в клочья матки-ульи жуков, большие РЭБ-корабли сколопендр и десантные накопители богомоллов. После нашего выстрела мусором большинство кораблей так и не раскрыло энергетические щиты. Почти полностью потерявший mosquitoную флотилию и не имевший, наверное, ни одного целого корабля флот неприятеля даже не мог отступить, а туда уже спешили десантные боты, несущие в своих брюхах поджавшие лапы шагающие танки и злых, охочих до голов нелюдей штурмовиков. Третий Великий флот богомоллов доживал последние часы, как и все нелюди в этой звёздной системе.

Неожиданно штурмовик, привязанный на тросе, закричал:

– Товарищ Илли, великая матка роя! Полная! Справа от нас! Километров триста-четыре-реста.

Это плохо. Это очень плохо. Не буду думать, что она тут делает и как оказалась, наверное, как и Третий ударный богомоллов, не пойми как. Корабль такого класса несёт в себе сотни тяжёлых кораблей и целый рой москитов.

Мне на коммуникатор пришёл отчёт, что мы могли сделать ещё один выстрел. На линкоре почти всё вооружение было выбито и разрушено, но одна разгонная шахта после стрельбы

разновесом оказалась не повреждена. Искин отключил питание со всего поломанного оборудования и не придумал ничего умнее, чем переключить всю мощность внутренних реакторов на накопители уцелевшей шахты. Хотя повреждённые в момент выстрела реакторы накачки уже глушили, но энергия от основных реакторов заполняла накопители оставшейся целой разгонной шахты. Через две минуты мы могли выстрелить ещё раз. Системы подачи болванок по-прежнему не работали, но если мы стреляли мусором один раз, почему не повторить?

Неожиданно, вернее ожидаемо, учитывая техническое состояние линкора, непонятно только, почему именно сейчас, а не раньше, отключился видеосигнал штурмовика, но звук остался. Я по-прежнему старший техник, и меня этим не смутить. Беру управление всеми дронами, которые могли самостоятельно передвигаться, от уборщиков до ударных мехов, и отправляю в заряженную энергией разгонную шахту. Сколько набьётся, столько и будет, ждать никого не станем.

– Улдис, говори вертикаль, буду наводить двигателями. Потом пойдёт горизонталь, тут я остановиться не могу, буду ждать твоей команды.

– Понял, товарищ Илли. Ниже, ниже чуть-чуть, – командовал командир штурмовиков. – Теперь вправо, сильно вправо, они почти сбоку.

Я дал полную мощность на оставшиеся маневровые двигатели.

– Идёт. Идёт. Огонь! Сейчас! Сейчас огонь! – завопил боец, но я уже дал пуск.

«Топор палача» дрогнул. Лишённый компенсаторов линкор плюнул заряд из набежавших внутрь роботов раза в четыре больше расчётного и дёрнулся всем корпусом.

Согласно отчёту искина корабля, который теперь добросовестно поставлял мне информацию, перевес получился из-за десятка фронтальных мехов. Машины оказались совсем рядом с входом на поломанный элеватор болванок, а мне следить, кто пришёл и сколько весит, было совсем некогда.

– Попали! Попали! Мы их пробрили! Дёхните! Попали! – восторженно орал боец.

Жаль, что самому не удалось увидеть это зрелище, потом посмотрю запись с камер скаффандра. Расстояние в четыреста километров для разогнанного близко к световой скорости груды мусора – это даже не мгновение, это в упор, как удар пневмомолота по голове. Наш корабль продолжало разворачивать и уводить в сторону. Гравикомпенсаторы не работали, и я прекрасно чувствовал движение.

– Улдис, как ты?

– Попали! Нелюдей крутит. Мы их пополам разорвали, они щиты раскрыть не успели! Весь корпус вывернуло, полкосмоса в кусках, товарищ Илли. Мы их убили!

Понятно. Улдис настоящий штурмовик, и даже если ему сейчас оторвало ногу, он заметит это несколько позже, а пока будет докладывать только о потерях нелюдей. По крайней мере, я знаю, что отстрелялись мы удачно, боец на месте и всё получилось.

После такого разгонную шахту точно чинить не будут, да и весь корабль тоже. Командную рубку мы потеряли вместе с десантом богомоллов, как минимум три больших ангара полностью вывернуты прямыми попаданиями, а из работающего оборудования только реакторы в глубине корпуса.

Глава 3

Глазами парня на обшивке

Вдруг всё вокруг заволочло туманом, и через мгновение отовсюду слышались сигналы химической тревоги. Коммуникатор завалило сообщениями о химической и биологической атаке. Интерфейс внутренней службы костюма тоже завопил о химическом и биологическом поражении. Внутри скафандра этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда, ни при каких обстоятельствах. На мне был полностью функционирующий механик-автоном высшей категории. Это почти тяжёлый десантный костюм, даже покрепче, разница только в нескольких слотах, которые использовались не для дополнительных энергетических ячеек и оружия, а для инструментов и крохотных ремонтных дронов, выполняющих микроскопические работы непосредственно под управление искина скафандра.

Моя броня по прочности даже превосходила многие штурмовые скафы, и никакого сообщения с внешней средой быть не могло. Чтобы проделать дыру в моём костюме, нужно тяжёлое оружие. Если бы произошла поломка, то я бы об этом мгновенно узнал, но внутри воняло мерзкой химической кислятиной. Пробежал глазами по внутреннему интерфейсу в режиме аварийного сканирования. Когда к процессу не подключается управляющий модуль, человек делает всё руками. Очень редко используемый вариант, сам не помню, когда последний раз так делал, но я хотел убедиться, что всё оказалось правильно. Костюм был надёжный, работающий, никаких поломок и разгерметизации, без единого кода ошибки, но датчики все как один говорили, что внутри находится постороннее заражение как химическое, так и биологическое. Попробовал связаться с Улдисом. Связь работала.

Командир штурмовиков отозвался сразу. По грязным ругательствам я понял, что у него тоже что-то случилось.

– Улдис, что там у тебя? – решил я вначале расспросить штурмовика, прежде чем выдавать свою версию событий.

– Нелюди пропали. Они не могли сбежать! Куда делись?

Странно, о чём это он? Искин уже сбросил мне отчёт, в котором скафандры всех оставшихся в живых после боя бойцов сигнализировали о заражении и химической атаке. Его скафандр не выдал предупреждение или с ним что-то не так? Настоящий воин, не то что я. Первое, о чём заговорил, что не видит нелюдей, а то, что скаф орёт о биологическом заражении, его меньше беспокоит? Линкор с поломанными гравикомпенсаторами так дёрнуло, что флот врага сейчас может быть просто в другой полусфере. Да куда эти богомолы с пауками денутся? Наши бойцы будут их ещё несколько часов ковырять, пока перебьют.

– Улдис, у тебя биологическое заражение есть?

– Так точно, есть.

Странно. Может, это какая-то единая ошибка? Хотя нет, не должно так быть, потому что внутренний искин скафандра и датчики контрольной системы специально разделены и не сообщаются с внешней средой никаким образом. Это стандартная технология, чтобы на них нельзя было подействовать РЭБ-атакой или другой хитростью.

– А что ты говорил про нелюдей?

Командир штурмовиков взял продолжительную паузу. Прямой передачи видеосигнала не было, но можно передать мыслеобраз через импланты биоинтегрированного управления, а затем транслировать через резервный прямой канал. Я рассматривал изображение с его камер и всё прекрасно видел, но поверить не мог и попытался расшевелить бойца. Этим каналом мы пользуемся крайне редко, он прямой и незащищённый, что видим мы, то видят все, включая

нелюдей. Кстати, в следующий раз можно наводить линкор на глаз через него, а не на голос, сделав поправку на время. Поставив в голове отметку, я обратился к штурмовику:

– Не молчи, говори.

– Звезда пропала.

– Не понял?

– Звезды нет, товарищ непилот-капитан. Нет звезды, и нашего флота нет, и нелюдей нет, – уже с паузой, осознавая происходящее, повторил боец.

Я тоже немного впал в ступор, обдумывая его слова. Пытаясь взбодрить себя и Улдиса, скомандовал:

– Ещё раз! Доложить по форме! – решил я прочистить мозги явно не понимающему обстановку бойцу, да и себе тоже. То ли я чего-то не соображал, то ли он что-то неправильно говорил. А что тогда я видел на экране?

– Не наблюдаю флот нелюдей, не наблюдаю флот Новых людей, в сфере моего наблюдения нет звезды. – А потом перешёл на свободную форму: – Вообще ничего нет, какие-то обломки вокруг нас, планеты недалеко, но никого больше. «Топор палача» совсем один.

– А ты как? – осторожно поинтересовался я.

– На двух оставшихся тросах болтаюсь, один не выдержал, от рывка порвался.

Я уже нёсся по коридорам. В местах, где работали гравитационные демпферы, бежал, а в разрушенных отёках перелетал между дырками в переборках и через люки шлюзовых камер.

– Искин, краткий отчёт о техническом состоянии. Команде готовить полный технический отчёт. Связь с флотом, – скомандовал я бортовой системе.

– Флота нет.

– Как нет? Мы совсем рядом. Корабли должны быть в прямой видимости. Если нет связи, дай оповещения лазером. Мигни бортовыми огнями, поверни приборы. Они нас должны видеть.

– Флота нет, – упрямо повторил искин.

– Да что такое, они тут все больные? – Я выругался, добавив несколько грубых выражений.

– Так точно, все больные, – сообщил мне через долю секунды искусственный интеллект.

– Да чтоб вас!

– Команда не опознана, – отрапортовал главный искин корабля, старавшийся мне помочь и не понявший, что от него хотят.

Думай, товарищ Илли. Теперь ты непилот-капитан целого линкора-призрака. Тебя всегда хвалили за idiotские поступки, приносящие удачу, поэтому в таких ситуациях все на тебя смотрят с надеждой.

Я двигался к обшивке. А Улдис молодец, настоящий боец. Вначале он заметил, что нелюди пропали и воевать больше не с кем, а потом пропажу звезды углядел. Я бы так не смог. Наверное, правильно, что в техники пошёл. Я бы вначале на пропавший флот и светило внимание обратил, а потом уже всё остальное. Всё-таки прав был мой учитель, понимал, когда отправил меня именно с железками возиться, а не в десант.

Едва мне удалось выбраться на обшивку, пользуясь магнитными башмаками, я заскользил по металлу. Это ещё одно изобретение Новых людей. Пауки имели много лап и легко бегали по броне. Удерживаясь одной парой, переставляли остальные. Люди могли только ходить и не могли бегать, теряя преимущество в скорости. Но на то и Новые люди, чтобы придумывать новые вещи, которые помогают убивать нелюдей.

Всё было просто. Два магнита не касались металла, а скользили по броне. Практически все корабли сделаны из сплавов, в состав которых входило железо или другие магнитные элементы. Магниты были мощные и цеплялись за любой участок. Даже на живых кораблях нелюдей находились довольно обширные места, где можно двигаться таким способом, и только там,

где живая плоть многометровым слоем покрывала внешнюю часть корпуса, приходилось приспособляться. На кораблях Новых людей сверху всегда укладывали ровные тонкие стальные листы, по которым можно прекрасно двигаться подобным способом. На них мы всегда имели преимущество в скорости даже перед самыми быстрыми пауками и богомолами.

Улдис перестал отвечать и болтался на тросах. Я подтащил его к себе. Он странно отреагировал, пытаясь схватить меня руками и стуча головой в мой скафандр.

– Улдис! Что такое?

Я вырвался из хватающих меня рук и поволок командира штурмовиков к шлюзу. Небольшой десантный бот был прикован к обшивке. Бойцы часто использовали подобные кораблики, чтобы пополнить вооружение, немножко отдохнуть и всегда находиться с внешней стороны корабля, в любую секунду готовыми отразить нападение. Это было более опасно, чем сидеть под корпусом, но прикрытый зенитными системами кораблик, прилепленный к несокрушимому линкору, находился почти в полной безопасности. Зато время реакции на высадившихся нелюдей минимальное.

Шлюз был совсем крохотной комнатой, буквально в несколько метров площадью. Дверь закрылась, помещение наполнилось воздухом. Боец по-прежнему не отвечал, издавая мычащие звуки, и пытался стукнуть головой мне в руки и ноги. Используя инструмент, я открыл забрало шлема.

– Твою мать! Вашу мать! Ты что?

Штурмовик откусил себе язык, губы и, насколько мог, отгрыз и съел щёки. Безумный взгляд впился в меня. Я попытался тронуть лицо перчаткой скафа, и командир штурмовиков, не раздумывая, вцепился в бронированный палец. Хрустнули зубы, кровь потекла ещё сильнее, чем раньше. Не найдя плоти в пластике, боец жадно глотал вытекающую из раздробленной десны жидкость, перемешанную со слюной.

– «Топор палача», меддрон сюда, – обратился я к искину. – Ты меня слышишь?

– Приказ понятен. Расчётное время две с половиной минуты, – ответил искин.

– «Топор палача», отчёт по всем скафандрам.

Эта функция была доступна старшим офицерам. Помимо внутренних, к которым нельзя дотянуться извне, всегда имелся крохотный модуль, лишь отвечавший на запросы и никогда ничего не делавший. Через него можно было только узнать, но не приказать, перехватив управление, вколоть яд или снотворное, обездвигить или отключить систему жизнеобеспечения воина. А вот понять, что происходит внутри скафандра, было можно.

Через мгновение пришёл отчёт. Я давно отучился вздрагивать, когда ко мне на палубу возвращались на автопилоте корабли, в которых вместо кабин с людьми было сплошное месиво. Мне приходилось видеть и гораздо худшие моменты и не раз братья за оружие, убивая десант высадившиеся богомолы или пауков внутри корабля. Но здесь я вздрогнул. Я смотрел на огромный список, и напротив каждого имени стоял значок «Болен».

Было всего несколько десятков имён, напротив которых виднелся значок контроля запроса. Это означало, что боец находится в сознательном состоянии, но почти все имена были отмечены значками отсутствия ответа на контроль-запрос, и стояли пометки повреждений. Сказать точно, что происходит с человеком, не всегда было возможно, но в основном стояли пометки либо «не опознан», либо о повреждениях полости рта и головы. Очень редко встречались травмы других частей тела. Эти люди по большей части находились в капсулах восстановления или в жилом комплексе.

Я давно понял, что происходит нечто совсем нехорошее. Открыл блок ручной коммуникации на скафандре Улдиса и запустил функцию принудительного усыпления и перевода тела в искусственную кому. Запустил программу регенерации. Моё новое звание непилот-капитана позволяло это сделать. Пользуясь правами старшего офицера, можно было отдавать приказы скафандру. Это нельзя делать дистанционно, но если старший офицер брал управление ска-

фандром в свои руки, то тогда тот выполнял уже мои команды. Сейчас надо просто остановить бойца, чтобы он не съел сам себя и не истёк кровью. Медмодуль заработал. На всякий случай я закрепил штурмовика в захватах и вышел на броню.

Звезды не было, флота не было, нелюдей не было. Зато имелись небольшие корабли неизвестных мне модификаций. Они просто болтались в космосе, не воевали, никуда не летели, а с двух сторон были планеты, вращающиеся вокруг своей оси, висящие в космосе сами по себе, без звезды. «Топор палача» висел среди этих никуда не двигающихся кораблей со своим разорванным корпусом, искорёженными разгонными шахтами, а теперь ещё и с почти полностью мёртвым экипажем. Но я Новый человек и, пока не умер, должен жить и убивать нелюдей.

Я пытался понять, что происходит. Сверялся с данными чудом уцелевших систем наведения, собирал информацию об оставшихся в живых бойцах, пытался понять, где они находятся, и связаться с оставшимися в сознании. Картина была не очень радостная.

Весь мой экипаж – чуть больше ста пятидесяти человек из всего гигантского линкора, которые не потеряли разум и ответили на запрос-контроль. Они были разбросаны по разным отсекам, разделенные пожарами, высадившимися десантами нелюдей, мечущимися по палубам штурмовыми богomoлами, жуками и шустрými длинноногими пауками. А ещё были блокированные аварийные переборки, за которыми плескалась жидкость из активных зон разрушенных реакторов на расщепляющих материалах, заваленные искажёнными горами металла разгерметизированные ангары.

Собрать людей на находящемся в подобном состоянии линкоре-призраке даже в спокойной обстановке было задачей непростой, а между тем внутри корабля продолжал идти бой. Больше ста километров месива из металла, огня и врагов.

А ещё одномоментно потеряли разум несколько тысяч членов экипажа, превратившись в жрущих собственные языки сумасшедших. Полтора человека на километр корпуса. Как на дальних колониях, обживающих кислородные планеты, покрытые ледяными пустынями.

– Кто из штурмовиков меня слышит? – спросил я на общем канале.

– Альбинос на связи, товарищ непилот-капитан. Вторая мастер-штурмовая группа.

– Один?

– Да. Из тех, кто не заболел – один.

– Специализация, снаряжение?

– Плевать! Три виброножа. Я всё могу. Снаряги и БК на двадцатерых, два лёгких дрона – новые и один штурмовой мех, фронтальный, почти не битый.

Ого! Похоже, в череде суеты сегодняшнего дня начинаются маленькие везения. У парня награды, целых три виброножа. Эти знаки дают ещё реже, чем мою звезду и каплю, и это высшая награда, которую может получить штурмовик, а у него их три. Боец прошёл через что-то такое и не по одному разу. О мастер-группах я слышал, у штурмовиков там всё сложно, но в любом случае повоевать ему пришлось, а это очень хорошо.

– Поступаешь в распоряжение Ирмы. Я сбросил на коммуникатор координаты. Мне всё равно, что вы там будете делать. Используйте все возможные средства. Корабль кишит нелюдьми. Далеко не уходите. Чистить всё только около второй и верхней ремонтной палубы.

– Есть, товарищ непилот-капитан! – коротко ответил боец с позывным Альбинос.

Опыта у него наверняка больше, чем у моей воительницы, и в звании он постарше, но вопросов не задаёт. Хороший знак. Потом решу, кто кем и где будет командовать, а нам сейчас надо навести порядок хотя бы вокруг нашего блока.

Если Альбинос не возражал, то Ирма пыталась что-то бурчать про необходимость остаться около меня и охранять непилот-капитана. Пришлось рыкнуть, и мой личный телохранитель убежал на подмогу бойцу – чистить палубы от нелюдей. Радовало, что Ирма тоже не потеряла разум. За неё я сильно переживал и очень обрадовался, когда пришёл её ответ.

На ремонтной палубе, куда я вернулся, из двух сотен человек техников, безлошадных пилотов и прочих, кто находился в моей бывшей зоне ответственности, осталось всего пять человек, которые не потеряли разум. Хорошо, хоть мехи и дроны не болели. Боевых механических бойцов распределил охранять периметр, отдав им команды, и отправил пастись в автономном режиме.

Первым моим приказом по линкору было находить товарищей, потерявших сознание, и отключать скафандры, переводя в режим принудительного усыпления. Сейчас главное, чтобы они сами себя не сожрали, а потом будем думать дальше, раз всё так быстро меняется. Не уверен, что поможет, но это самое лучшее, что я придумал. Всех оставшихся в сознании бойцов я своим приказом назначил заместителями непилот-капитана, чтобы хватило полномочий переводить скафандры в ручной режим управления, а искину передавать мой приказ по кораблю постоянно. Далеко ещё не все бойцы из тех, кто не впал в безумие, вышли на связь.

Последующие два часа мы искали и усыпляли товарищей. Не все впадали в неспешность, как Улдис. Некоторые активно перемещались и вели себя крайне агрессивно.

Неожиданно искин вывел сообщение о том, что все системы реактора на расщепляющихся материалах восстановлены. Это того, который был расположен около моей ремонтной палубы? Проверил. Да, тот самый, что Ирма затопила. Затем искин сообщил, что внутри реакторного блока высадился десант пауков. Этого не могло быть! Бесстрастная железяка даже не понимала, что она сообщает. Этот реактор Ирма заварила и залила жидкостью из активной зоны, утопив десант.

– Может, кто-то из богомоллов остался на корпусе? Какие пауки? – проговорил я свои мысли вслух, но искин принял это за голосовую команду, и в наушниках раздался ответ:

– Пауки. Шесть штурмовых групп, тяжёлого вооружения нет. Информация подтверждена внутренними датчиками.

Какие внутренние датчики, если там всё залито радиоактивной жижой из подорванного энергоблока? Искин упрямо повторил сообщение. Я знал, что там ничего не может быть, а теперь каким-то чудом реакторный отсек снова стал целым? То, что сейчас происходило, было вне моего понимания, но упрямая железяка умела выдавать только факты и, к сожалению, ошибалась очень редко.

Я связался с моей новой боевой группой, перекинув доклад искина Ирме.

– Товарищ Илли, с искином всё в порядке? – первое, что спросила моя десантница.

– Не знаю, но технически он полностью исправен. Его оборудование около основного блока внутренних реакторов, а там всё целое.

– Выдвигаемся, тут мелочь осталась, дроны заварят переборки, потом добьём.

– Товарищ непилот-капитан, – раздался голос Альбиноса, – меха добились. Со щитом и навесным оружием полный порядок, а к вам ползти будет неделю. Приводы перебиты, еле ноги переставляет.

– Альбинос, у тебя сколько слотов?

– Под два меха и четыре дрона.

– Оставляйте всех на автономе, пусть работают, идите сами. Я для вас новых пригоню.

Прямо под нашей палубой размещался целый склад боевых механических помощников. Её специализацией были малые корабли и десантные боты. Собственно, это практически все типы кораблей, которые имело смысл чинить в бою. Ещё торпедоносцы и изредка фрегаты, но ими занимались на других ремонтных палубах. Даже лёгкий крейсер, получивший повреждения, при которых он вынужден выйти из боя, починить на коленке было практически невозможно. Их просто глушили и загоняли в специальные ангары или снимали экипаж и пристыковывали к корпусу снаружи, чтобы заняться позднее.

Кроме ремонта мы осуществляли заправку и пополнение боекомплекта. Целые караваны малых кораблей подходили к нашей ремонтной палубе, чтобы пополнить ресурс и, соответ-

ственно, склады расходников от ракет и кассет с шариками для роторных орудий до самого разного снаряжения, были под нашими ангарами. В том числе мехи и дроны для пополнения десантных кораблей.

Мы спешили. Наш грозный отряд из четырёх техников, одного безлошадного пилота и целого непилот-капитана линкора-призрака пытался задержать десант пауков. Героически вступать в бой я не спешил. За реактором находился просторный ангар и два прохода, идущие между рёбер жёсткости корабля. Там имелось по четыре метра металла, которые тяжело пробить даже главным калибром, а как доложил искин, тяжёлого оружия у пауков не было. Впереди, закрывая почти весь проход, двигались два фронтальных меха, раскрыв энергетические щиты, и несколько дронов. Управлять одновременно большим количеством машинерии очень сложно. Это не отдать приказ идти в разгонную шахту, прихватывая как можно больше мусора по пути.

Новые люди и нелюди прекрасно знали, как обмануть быстрого, но неразумного бойца, и оставленные без присмотра машины быстро уничтожались. Позади нас шли ещё с десятков дронов и четыре меха, которых я прихватил для Ирмы и Альбиноса. Нормально управлять таким количеством машин было невозможно, поэтому я просто поставил их на автоном. Десяток дронов под управлением моих парней-техников бежал по потолку и стенам, страхуя мою электронную банду.

Так и двигались. Впереди по стенам, потолку и полу перемещалась наша машинерия, а мы шли сзади. Поглядывая назад, немного отставая и прикрывая тыл, двигался наш пилот. Он не управлял машинами, а взял в руки разгонник, потому что был в лётном скафандре. Там другая система управления, и она не стыковалась с оборудованием, предназначенным для десантных операций. Это связано со скоростью реакции и перегрузками, которые должно гасить боевое облачение, и основной упор этих скафандров был не на возможность ведения совместных боевых действий, а на жизнеобеспечение, защиту от перегрузок и спасение в случае разгерметизации кабины. Пилоты в подобном скафе могут выживать неделями, болтаясь среди разбитых обломков кораблей, пока их не найдут спасатели. Датчики системы управления лётным облачением рассчитаны совсем на другую реакцию. Одно дело – поднимать разгонник, швырять гранаты и управлять дронами, и совсем другое – отдавать мысленные команды через систему имплантов, выделявая на истребителе или штурмовике невероятные фигуры высшего пилотажа. Было и ручное управление, но оно резервное, слишком долго сигнал от мозга до пальцев идёт. Поэтому ещё с конца первой войны с нелюдьми лётные и все остальные скафандры делали разными, оставляя общим только минимум функций.

Мы двигались без опаски по широкому ровному проходу, ведущему к просторному залу, за которым находился восстановившийся реактор. Путь проходил между двух рёбер жёсткости линкора. Массивные многометровые металлические стены исключали нападение с боков. Такой толстый металл с большим трудом пробивали главным калибром, а тяжёлого вооружения у десанта пауков не было. Ни одно живое существо, даже штурмовые богомолы, не сравнятся в скорости реакции с механическими помощниками. В реальном бою только хитрость и изворотливость помогают живым убивать электронных врагов, но в случае столкновения в коридоре, закрытом со всех сторон металлом, реакция машин всегда была быстрее.

Несколько пауков, не могу точно сказать сколько, потому что не заметил, разлетелись кусками, а остальные отступили, укрывшись за краем прохода, и сосредоточили огонь на фронтальном мехе. Массивный металлический паук, словно шагающий танк, открыв яркие многогранники энергетических щитов, держал удары и прикрывал остальных от огня нелюдей.

Я улыбнулся своим мыслям. Цивилизация Новых людей пришла к тому, что мы скопировали живые формы нелюдей. У нас теперь больше половины всех машин были в форме пауков. Лап могло быть больше или меньше, да и размеры – от многометровых шагающих танков с двумя десятками лап до четвероногих разведывательных малышей, размером чуть больше

ногтя, но это всё были пауки. Задача таких крох – только заскочить в узкий проход и посмотреть, сколько там осталось живых или неживых противников.

Я ждал. Ирма и Альбинос должны были ударить с той стороны, и когда будем атаковать с двух концов, то потери могут быть гораздо меньше, имея в виду дронов и мехов. Я не собирался терять ни одного человека, ни при каких обстоятельствах. Склад машин был полон на две трети, и если разделить механических бойцов на живых, то этого хватит на полгода, даже если так воевать каждый день. Кроме того, ещё имелось немало складов, которые наверняка могли уцелеть.

Я скорее почувствовал, чем увидел сигнал от имплантов. Сверху и немного сзади, быстро пробежав по потолку, вывалились три паука. Они оказались очень быстры и облачены в лёгкие скафандры. Техканалов в этом месте коридора не было, но те, наверное, обежали переборку с той стороны и хотели ударить в тыл. Разумно. Пилот реагировал медленно, и очередь из разгонника прошла рядом, не задев шустриков.

Мы их так называем – пауки. Проще придумать аналогию, чтобы не заморачиваться, хотя биологически нелюди никакого отношения к нашим паукам не имеют. Они просто похожи, и видов космических пауков нескольких миллионов.

Я старший техник и бываю до занудства рациональным, но когда ты в бою и тебе передают кусок метала, давно потерявший форму, то только твоё чутьё может подсказать, сделаешь ли ты из этого летающую машину или его надо просто сбросить в космос, или оттащить в дальний угол ангара для разбора на запчасти. На тестирование времени нет, зачастую приходится доверяться своим ощущением, чтобы сразу принять решение – либо ты не тратишь время, или это нечто вернётся в бой. А если взялся, то обязан, раз уж потратил время, чтобы через непродолжительный срок летательный аппарат встал в строй, иначе просто нет смысла всем этим заниматься.

На меня накатили новые ощущения и, словно в учебке, я с разворота ударил ногой паука. Сервомоторы взвыли, нога наполнилась необъяснимой тяжестью и силой. Паука я поймал в воздухе, вмял броню и припечатал к металлической стене. Четыре метра композитного металла не дали никакой амортизации, и два слоя скафандра нелюдя смялись вместе, совершенно не заметив внутреннего содержимого. Отдёрнул ногу и с размаху, словно по мячу, ударил по ногам ещё одного. Ноги разлетелись, а я, поставив башмак сверху, выплеснул содержимое. Третьего шустрика добил лётчик. На всякий случай сделал несколько контрольных выстрелов в раздавленные туши.

Со стен спрыгнули и подбежали два дрона. Мои техники, видя, что сзади нас можно обойти, решили прикрыть и это паукоопасное направление. Через непрозрачное стекло скафандра я не видел удивлённого лица пилота, хотя не сомневался в этом. Постучал бойцу пальцем в стекло и показал, чтобы смотрел назад, а спереди есть кому приглядывать. Да, знаю, что дурная и всех раздражающая привычка, зато я уверен, что привлёк внимание именно к себе.

У меня тоже не нашлось объяснений моей тяжёлой ноге. Хотя пауки и были в лёгких скафах, но это композитный бронепластик, там куча рёбер жёсткости, и чтобы примять обе половины, раздавив хитин и выдавив содержимое, надо весить как шагающий танк.

– Товарищ Илли, мы на месте, – пришло сообщение от Альбиноса.

– Берите кого надо и командуйте по готовности. Операция под твоё командование. – Я передал канал управления машинами, чтобы Ирма и штурмовик сверились с обстановкой, рассмотрев поле боя через визоры машин, и взяли тех, кого сочтут нужным.

– Готовы, начали, – получил я ответ, и через несколько секунд мы атаковали.

С нашей стороны пошли дроны под руководством моих техников, а Ирма и Альбинос, облачённые в тяжёлые штурмовые скафы, с другой. Они были защищены гораздо лучше, чем технический персонал. Во всей этой суете менять скафандры моим бойцам я не стал, да и были в этом смысл – менять привычные на боевые? Оставив странности с ногами на потом, я

выдвинулся вперёд. Мой скафандр самый мощный и фактически представляет собой тяжёлый штурмовой, только вместо оружия у меня лишь инструменты.

Я внимательно следил за боем электронными глазами техники. Собственно, он почти закончился. Штурмовиков отбирают с самого детства – это другое устройство психики, моторика и импланты, которые вживляют в процессе всей жизни. Любой Новый человек несколько раз проходит через подобные процедуры. Сначала добавляли базовые, потом более специализированные. В огромном ангаре валялись перебитые враги. Альбинос уже всех проконтролировал, и мы занимались новым для себя делом – добычей трофеев.

Представления не имею, сколько у нас ресурсов и что нам придётся пережить. В обычных условиях этим занимаются специальные команды, а не бойцы. Среди трупов врагов и обломков кораблей есть немало полезных вещей, годящихся как ресурсы. Снимали энергоблоки, баллоны с дыхательной смесью, можно было приспособить некоторое оружие. Кстати, большинство насекомоподобных рас дышало кислородом, просто у кого-то с ним смешан углекислый газ, аммиак и прочее. Смесью несложно очистить и использовать. Дроны заваривали техканалы и проходы, ведущие в зал. Неизвестно, как пробрались напавшие со спины, и я хотел по возможности сократить пути обхода.

Кроме пауков в зале были богомолы. Искин о них не доложил, и они стали небольшим, но преодолимым сюрпризом. Возможно, не все камеры восстановились, или они сюда пробрались по другим проходам.

Странностей случалось всё больше и больше. Я своими глазами видел, как Ирма легко, словно древесная кошка с планеты Лаяль, увернулась и проскочила под огнём шестнадцати штурмовиков. Если восьмёрка богомолов всегда была не сильна в стрельбе, то восемь пауков стреляли весьма неплохо. Их, собственно, за этим и держали около богомолов, отдавая роль огневой поддержки. Ирма проскочила за спины врагов, отстрелила лапы, смешав строй, а затем ворвался Альбинос, убивая остальных. Всё было быстро, отработано, и как ни старайся растянуть удовольствие, но надолго нелюдей всё равно не хватает.

Я не штурмовик, но с десантом врага на кораблях приходилось бороться не раз. Я, разумеется, был сзади бронированных тяжёлых скафандров, но пострелять вполне удавалось. Никогда раньше не слышал о том, что можно вот так проскочить под огнём такого количества бойцов врага и, играючи, развлекаясь, выпустить им боекомплект в спины.

Дроны разбрелись по ангару проверять состояние коммуникаций и заваривать подозрительные технические каналы, через которые могут проскочить враги. Оставлять бесхозные проходы я не хотел.

Переборки раздробленного ангара начали искрить, в нескольких местах появлялся туман, огораживая довольно ровную черту, проходящую на две трети его высоты и откусывающую примерно четыре пятых общего объёма пространства. Техники и Альбинос с Ирмой либо не видели, либо не обращали на это внимания. Внутреннее чувство старшего техника основной ремонтной палубы вопило об опасности. Времени что-то объяснить и отдавать команды не было. Разошедшиеся по огромной территории и находящиеся на разной высоте люди должны были срочно покинуть эту территорию.

Я просто знал это. Возможно, у нас ещё много часов времени, а может, оно уже давно вышло, и я сейчас ориентируюсь по факту давно произошедшего события. Дроны, повинаясь моей команде, бросили свою работу и понеслись к людям. Схватив людей манипуляторами, поволокли в разные стороны, совершенно не заботясь о сохранности и комфорте находящихся в скафандрах тел.

– Не дёргайтесь и ничего не делайте! Так надо! – заорал я на общем канале.

Дисциплинированный Альбинос расслабился и спокойно воспринимал тянущего его дрона, который полз по лестнице и только слегка отклонял голову, чтобы она меньше стучала по ступенькам. Ирма сгруппировалась и практически уселась на своего шустрого помощника.

Она разместилась, словно наездница, не мешая ему быстро перебирать лапами. Он нёсся в другую сторону, к входу транспортёра, откуда обычно подавали малые корабли с консервации.

Штурмовики привыкли выполнять иногда весьма странные, не очень совместимые с жизнью приказы, поэтому вначале делали, а потом спрашивали. Зачастую такая команда могла спасти жизнь, какой бы неадекватной ни казалась вначале. А вот наш брат техник первым делом пытался всё выяснить. Меня засыпали вопросами: «Зачем это надо?», «Куда его тащат?», «Почему её голова бьётся о ступеньки?»

Скорость, с которой происходило бегство, была максимальной для этих машин, и намного быстрее, чем это делают люди в скафандрах. Если штурмовики в боевых скафах двигаются относительно проворно, то ребята из ремонтного подразделения наверняка побегут медленно. Возможно, я ещё несколько часов буду наблюдать за странным искрением и туманом, а может, и нет. Происходившее мне не нравилось.

Находящиеся в более лёгких скафандрах волочимые по полу и лестницам техники получали гораздо больше неприятных ощущений, чем мои бойцы в боевой броне, для которых это было всего лишь лёгким приключением. Все синяки достались именно ремонтникам. Я легко определял это по ругани на общем канале. Пришлось прикрикнуть, чтобы рты захлопнули и получали удовольствие от внепланового катания.

Места, где не было странных отблесков искр и сгущающегося прямо в вакууме тумана, находились на разной высоте в разных частях ангара. Каждый дрон и мех получил от меня команду, кого и куда тащить. Это был либо дальний верхний угол, либо какой-нибудь технический канал. Отключать сейчас гравитацию, чтобы облегчить силу тяжести и увеличить скорость движения моих механических помощников, я не хотел. Я совсем не желал что-то менять потому, что в этом странном месте любое изменение могло привести к каким-то другим и, соответственно, непредсказуемым последствиям.

Туман ещё более сгустился, потом рывком поменял цвет на идеально белый, а посреди ангара, среди разорванных кусков обшивки, вцепившись лапами в пол, стоял десантный бот пауков. Небольшой бот, предназначенный для проникновения внутрь – почти таран с дико мощными фронтальными экранами. Разумеется, напрямую пробить броню даже корабля среднего класса такая штука не сможет, а вот раздвинуть несколько железяк и просочиться внутрь после попадания главным калибром или удачного торпедного залпа – вполне. А ещё может вдавиться в щель разошедшихся бронеплит или просто прилепиться к корпусу и выпустить десант, который будет прорываться внутрь уже своим ходом.

Штурмовики среагировали мгновенно. Вывернувшись, словно кошки, бросились к кораблю нелюдей. Верхний десантный люк только начал приоткрываться, а Альбинос уже зашвырнул внутрь несколько гранат и, стоя над целью, лупил из разгонника. К другому люку бросилась Ирма, швырнула одну гранату и продолжила стрелять скупыми короткими очередями.

Раньше, чем я успел отдать какие-то команды, с десантным ботом было покончено. Вот что значат натасканные до инстинктов бойцы Новых людей. Мне доложили, что корабль нелюдей защищен, после того как Альбинос сбросил внутрь люка небольшого дрона-наблюдателя. Мои техники только похватили оружие, а всех врагов уже перебили.

Когда покончили с десантным ботом нелюдей, от парней, засевших на обшивке линкора, пришёл доклад: «Двенадцать малых кораблей жуков и средний корабль РЭБ-борьбы сколопендр. Сбили четыре жука, остальные ударились в обшивку, а сколопендра пролетела мимо, систем не включала». Всё это странно. Малые корабли обычно очень манёвренные, и должно произойти что-то серьёзное, чтобы кто-то из них сошел с курса и разбился, ударившись в обшивку корабля. Корабль РЭБ-борьбы сколопендр всегда работает, его нельзя отключить, только экранировать, это живой корабль. Он, когда вылупляется, сразу начинает функциони-

ровать, и, чтобы замаскировать, эти корабли прячут в корпуса маток ульев, потому что выключить не могут.

Занятый насущными делами, я продолжал думать над этим странным нападением. Жуки не сделали ни одного импульса, не выпустили ни одной ракеты или болванки, а просто разбились об обшивку. Не успел я ещё понять ситуацию, когда снова раздался сигнал тревоги и пришёл доклад: «Двенадцать малых кораблей жуков и средний корабль РЭБ-борьбы сколопендр. Сбили восемь жуков, остальные ударились в обшивку, сколопендра пролетела мимо, систем не включала».

Такого просто не может быть! Поблизости не было ни одного корабля, а о приближении жуков мы узнавали всего за несколько секунд. Они просто появлялись перед самым носом десантного бота, но радары должны бы их засечь гораздо раньше. Я задумался.

– Если будет опять двенадцать жуков и сколопендра, огонь не открывать. Если что-то поменяется, огонь по готовности, – отдал я команду бойцам.

– Есть! – коротко отозвались по связи.

Не успел я переключить мозги на насущное, когда снова доложили:

– Двенадцать малых кораблей жуков и средний корабль РЭБ-борьбы сколопендр. Все жуки разбились, сколопендра рядом пролетела, систем не включала.

Да что такое? Каждые сорок шесть минут на нас нападали странные жуки и одна сколопендра, при этом они не стреляли и не вели РЭБ-атаку. Ладно жуки, а сколопендра просто не может не вести РЭБ-атаку, она должна быть мёртвая, а пока жива, обязательно будет пытаться выжечь электронику, нанести последний удар или сделать какую гадость и, даже сдыхая, подорвёт себя, пытаясь забрать ещё хоть кого-то.

Дал приказ техникам вывести на корпус несколько мехов, которые пока исполняют роль зенитной артиллерии, и оставить в покое жуков, если они по-прежнему будут разбиваться о корпус или пролетать мимо. Надо было собрать выживших вместе, что-то делать с погружёнными в химический сон товарищами и дать всем отдохнуть. Нашей ремонтной палубе принадлежал довольно большой, вполне функционирующий жилой модуль, медблок и зона отдыха с тренажёрными залами, небольшой оранжереей и столовой. У нас всегда было много народа, и сейчас места с избытком хватит для всех выживших. Сами модули располагались в глубине корпуса и практически не пострадали. День был очень долгий, надо собрать в кучу мысли, отдохнуть и осмотреться. Дав целый список указаний искину корабля, я скомандовал отбой.

Глава 4

Первый поощрительный приз за догадливость

Спали всего несколько часов. Всем необходимым был отдых. Всех мучили вопросы – что происходит, где мы и как отсюда выбираться? Возможно, линкор сейчас падает в пекло звезды и нам нужно срочно включать двигатели, а может, завис где-нибудь в необитаемой части космоса, или мы все умерли и попали в рай для Новых людей, где полно боеприпасов и нелюди не заканчиваются. В общем, никто ничего не знал, поэтому отпускать ситуацию не хотели и взяли от отдыха ровно столько, сколько требовалось для восстановления организма. После сна я изучил ответы на часть моих запросов искину. Именно так. На большую часть моих запросов мозг корабля ответил либо «Нет данных», либо что-то несуразное, не укладывающееся ни в какую логику.

На технические вопросы я получил тот же ответ, что и раньше: линкор представлял собой грудку железа, зависшего в космосе, а вот то, что мы находились посреди кладбища кораблей, заинтересовало.

Всё, что я увидел, было престранно. Я думаю, что мы сейчас находимся в каком-нибудь эксперименте создателей вселенных – возможно, курсовая работа по мирозданию. Я даже задавание предполагаю – объединить бесконечные жизненные пространства в замкнутом объёме или что-то вроде того. Так и есть. Вывернутая и размазанная по горизонту событий бесконечная плоскость, находящаяся в абсолютной стабильности. Некая гравитационно-пространственная и временная аномалия, собранная в одну кучу бешено вращающимися вокруг друг друга сверхгигантскими парными чёрными дырами, могла удерживать этот хрупкий мир – планеты, астероидные поля, наше кладбище кораблей и бесконечные живые пространства, чередуемые между собой от ледяных метановых пустынь с гигантскими тварями до вполне обитаемых и заселённых разумными миров с милыми домиками и цветочками на клумбах. За кладбищем кораблей в рядок висели и вращались шесть обитаемых планет.

Форм жизни было очень много. Даже с нашей станции слежения, которая могла охватить лишь крупицу этого замысла, мы видели и гигантских чудовищ, поднимающихся с бездонной глубины и взламывающих своими тушами льды метановых океанов; куски огромных территорий, населённые людьми, со знакомыми животными и растениями. Встречались уходящие в небеса и истекающие магмой горы, леса из синих деревьев, высотой во много километров; присутствовали выжженные пустыни, кислотные миры, раскалённые до сотен градусов. Чего только не было. Зачем нужны шесть обитаемых планет при бесконечных триллионах квадратных километров живой плоскости, непонятно. Наверное, в задании, которое давали богу-создателю, так и было записано: «И не менее шести обитаемых планет». Расположение их рядом, скорее всего, этим и объясняется. Бог-создатель просто сунул их в центр в нужном количестве и немного крутанул вокруг оси. Возможно, чтобы не заморачиваться. А затем запустил миллиард-другой звёзд, которые двигались по только им понятным траекториям, пролетая над бесконечной плоскостью горизонта событий.

«Топор палача» висел посреди гигантского кладбища кораблей, и с нашего места прекрасно просматривалось общее устройство мира. Возможно, такие связки планет есть и дальше, но выведенный искином корабль дальней разведки ничего в своём радиусе действия не обнаружил, зато передал кучу информации об обитаемых зонах миров, даже нашёл больше десятка с людьми, но, как и положено, на этом хорошее закончилось.

Из уцелевшего во время боя сохранились только две системы – основные реакторы и прыжковые двигатели. Если с реакторами было всё в порядке и мощности имелось столько, что искин уже заполнил все оставшиеся целыми накопители и включал всё оборудование, кото-

рое не разрушилось, чтобы энергия зря не пропадала, то с прыжковым двигателем всё оказалось неоднозначно. Устройство было заряжено, работоспособно, но уверено в том, что корабль находится в твёрдом теле и прыжок невозможен.

Чего я так зацепился за межпространственные двигатели? А потому, что наше кладбище было окружено непонятной областью, в которой уничтожалось всё. На линкоре, кстати, такие места тоже появились, только тут они занимали по несколько отсеков или оказались полосками в несколько метров толщиной, а в космосе всё кладбище кораблей было окружено этой гадостью. До ближайшего обитаемого мира с людьми можно и без прыжка долететь за несколько месяцев, но, наверное, хозяева этого места отпустить нас отсюда не собирались.

Почему я так решил? На определённом расстоянии от основной массы зависших кораблей искин начал терять разведчиков. Тогда умная машина вывела из ангара автоматический артиллерийский монитор и дала несколько залпов всеми средствами во все стороны. Абсолютно всё, от крошечных шариков из роторных орудий до торпед, укрытых силовыми щитами и способными пробить защиту корабля тяжёлого класса, уничтожалось мгновенно. Всё это ещё надо проверить, но, похоже, на дурочку пролететь не удастся.

А ещё появилось странное ощущение мирной жизни. Всё время, пока не спали, мы восстанавливали что могли. На «Топоре палача» функционировало от силы процента три модулей, всё остальное – мёртвое железо. Пожалуй, самым главным достоянием, которое осталась нам от могучего линкора, были реакторы. В энергии мы не нуждались. Созданные, чтобы давать гравитационный импульс на звезду, накачивать энергией разгонные шахты и обеспечивать двигатели, даже тысячной доли их мощности нам хватило бы на всё наше хозяйство. Каждые сорок шесть минут двенадцать малых кораблей жуков привычно появлялись почти перед самой обшивкой линкора и успешно разбивались, не сделав ни одного выстрела, а сколопендра проходила в нескольких десятках метров над корпусом и улетала в сторону одной из небольших планет, чтобы разорваться в клочки на границе нашего космического аквариума, куда нас сунули.

Парни с десантного бота не стали пока приходить к нам, а остались отдыхать в прилепленном к обшивке корабле. Всё равно все будут спать в скафандрах, так что разницы никакой. Пока мы отдыхали, бойцы, прижившиеся на обшивке, ухитрились отловить одну сколопендру и прислали мне отчёт. Молодая, недавно рождённая сколопендра с полностью работающим интегрированным оборудованием не имела ни единой поломки, но не функционировала. Даже не дохлая, она просто была нефункционирующая.

То, что это место странное, я понял сразу, когда не увидел звезд и кораблей. А ещё эти события с заражением. Мой скафандр показывал, что я болен и подвергаюсь химической и биологической атаке, и менять своего мнения не собирался. Я сменил два комплекта датчиков на своём скафандре и на скафе Ирмы, успел протестировать – всё работает, всё правильно. Странности этого места на том не закончились, вернее, они только-только начинались. Каждый час мы находили какие-нибудь новые особенности. Скажи мне кто такое раньше, выставил бы из ангара, чтобы своими буйными фантазиями другим работать не мешал.

Время шло, все трудились, борясь за выживание, и думали, строя самые невероятные загадки насчёт этого места. На второй день мы уже неплохо защитились, привели в порядок жилой модуль и даже ненадолго снимали скафандры – разумеется, только на территории основного блока, где размещалась столовая, душ и каюты. Даже в оранжерею я запретил ходить без брони.

Перед продуктовым автоматом собралась небольшая очередь. Никто ничего не говорил, все ждали. Ирма стояла и решала, взять ещё один блок рационов или оставить на подносе столько, сколько взяла. Девчонка пришла во флот со звёздных колоний, расположенных на ледяных планетах. С ресурсами там всё плохо, и если ты не поел впрок, то, возможно, в следующий раз тебе не удастся поесть, и ты умрёшь голодной смертью. Сколько я её знал, она боро-

лась с природным чувством запасливости, свойственным всем уроженцам подобных колоний. Не наложить в тарелку больше необходимого было самым сложным из всего, с чем приходилось бороться. Смелости, отваги и реакции хватало с избытком, а вот запасливость никуда не девалась, и это чувство можно было только заглушить. Даже при ведении огня очереди Ирмы были чуть короче, чем у остальных штурмовиков. Об этом все знали и просто ждали, не желая говорить под руку. Наконец решив, что еды достаточно, моя воительница направилась к столу и села рядом с Альбиносом и Ланцетом.

Народа было негусто. Из бойцов присутствовали Ирма с Альбиносом, плюс доковылял ещё один штурмовик из полуразбитого медблока. Он пришёл в лёгком скафе. После того, как его товарищи начали терять разум и бросаться друг на друга, он стал их отлавливать, вкалывать лошадиные дозы лекарств и засовывать в работающие медкапсулы. Но это удалось сделать не со всеми. Оружия в медицинском отсеке не было, а сам отсек перебило посередине попаданием болванки, и пройти во вторую половину через искорёженный металл сразу не получилось, а пока возился на этой половине с сумасшедшими людьми, на той стороне оказалось немало странностей.

В самом отсеке всё работало. Мы на боевом корабле, и почти у всех агрегатов есть системы автономного питания. Кроме нескольких блоков капсул, разрушенных попаданием, остальное оборудование оставалось вполне пригодным. Дело было в людях. Они жрали друг друга, росли, корёжились, отращивали челюсти, превращали ногти в когти, а затем в отсек пришли нелюди и искривлённые люди. Дальше было совсем непонятно. Небольшая группа, состоявшая из богомола, двух пауков в разгерметизированных скафандрах и ещё нескольких изуродованных мутацией человек, начала жрать тех, кто был в отсеке. Вновь пришедшие приняли в свою группу двух самых крупных и уродливых сумасшедших из медблока, а остальных сожрали. Нелюди и люди были вместе, скафандры нелюдей разгерметизированы.

Я ещё раз всё проверил. Связи с этим медицинским отсеком не было, искин картинки дать не мог. Бойцы, они такие. Не имея оружия и возможности уничтожить мутировавших заражённых и людей, парень надел лёгкий спасательный костюм, поснимал со стен несколько камер наблюдения, рассчитывая, что в них могут оказаться автономные системы хранения данных, и даже если он погибнет, то информацию, возможно, найдут. Часть камер оказалась повреждена, но небольших устройств размером с половину большого пальца боец собрал немало. Это универсальное устройство специально делалось сменным и небольшим, чтобы любой человек мог его снять и поставить в случае нештатных ситуаций и потери связи с бортовой системой. Камеры в автономе снимали происходящее ещё много дней. В космосе ситуации бывают разные, вот как эта, например. И подумать было над чем.

Иммунная система людей и нелюдей сильно отличается. Наши микроорганизмы обязательно убьют всех пауков, жуков и сколопендр, если они не будут специально генетически модифицированы. Только богомолы, которые всегда выращиваются искусственно, могут выживать в нашей микрофлоре. Скафандры пауков были разгерметизированы, но дóхнуть они не собирались, а очень даже с аппетитом жрали тех, кто поменьше.

Парень пришёл в состоянии, оставлявшем желать лучшего, но был разумен и перемещался своим ходом. Он носил позывной Ланцет, в честь древнего хирургического инструмента. Совпадение – но он так и пожелал зваться. Многие штурмовики сживались с позывными так сильно, что если их звали по настоящему имени, то не сразу понимали, что обращаются именно к ним. Кстати, Ирма – это тоже позывной. Её имя, длинное и сложное, какие любят давать на ледяных колониях, было сокращено до знакомого и короткого.

Ещё мой отряд состоял из четырёх техников, безлошадного пилота и целого непилот-капитана ударного линкора-призрака. Была связь ещё с четырьмя группами, по докладам искина в некоторых отсеках вели бой. Кто там находился, выяснить не удалось. То ли автома-

тические защитники сцепились с десантом нелюдей, то ли это кто-то из уцелевших бойцов, ответивших на запрос-контроль.

Выявились и другие странности. Когда стали появляться целые отсеки вместо разбитых, большие части корабля начали перекрывать непонятные области, через которые не проходил сигнал связи, а любые датчики выходили из строя. Отправленные на разведку дроны просто отключались. В разных местах происходило по-своему. Где-то механические помощники могли несколько минут бегать по коридорам, прежде чем их заклинит, а где-то их разрывало в клочки за мгновение. Прямо как торпеды и шарикоты от роторов по границе кладбища кораблей.

И без того тяжёлый путь внутри изуродованных проходов, вывернутых переборок и бродящих по кораблю нелюдей стал опаснее из-за новых выкрутасов этого места. Надо было срочно собрать уцелевших. В общей сложности на запрос-контроль ответило около ста пятидесяти человек, но где они находятся и сколько из них живы в кишасщем врагами корпусе линкора, было неясно.

Мы срочно заваривали боковые каналы, технические шахты и укрепляли все места, в которых сомневались. Лучше потом опять прорежем дыры, чем дадим врагам возможность проскочить. Оставили только несколько широких, словно улица, проходов, в которые я отправил механических помощников. В длинных и широких коридорах хитрить с машинами совсем не получится. По всем, кто не был Новым человеком, они открывали огонь. Теперь до наших палуб можно добраться, только имея тяжёлое вооружение, и то не быстро.

Несколько дней я решил ничего не делать, дав людям возможность отдохнуть и осмотреться. Мы неплохо окопались, а территорию нашей ремонтной палубы патрулировали дроны. Защищая основные проходы, замерли автоматические турели, а оборудования, еды и снаряжения нашлось столько, что оставшейся горстке выживших этого хватит на долгие годы. Следовало спокойно ещё раз пересмотреть отчёты искина, попытаться наладить связь с остальными выжившими и немного успокоиться.

Проблемы, если они уже начались, приходят толпой и наваливаются все сразу. Нам всем становилось хуже. Стимуляторы прекрасно отработывали, давая забыть о плохом самочувствии, но не исправляли ситуации. Общее состояние понемногу становилось хуже. Расспросил об этом группы, которые были на связи. С ними оказалось то же самое. Довольно долго говорил со старшим медицинским офицером, который вместе с десятком человек из научных и медиков уцелел на одной из палуб. Они были недалеко от нас, но у них не имелось тяжёлого вооружения и дронов, а перед их отсеками бродил потерявший разум десант богомоллов. Как я понял, нелюди менялись на глазах, жрали тех, кто поменьше, и прилично подросли, а по силе и скорости стали гораздо быстрее. Закрывшиеся в отсеке люди не спешили прорываться, помня мой приказ, и решили просто подождать, пока мы им поможем.

Правильно. Без серьёзного оружия пройти через богомоллов без потерь не удастся, а я не собирался терять ни одного человека. В нашем общении принял участие и искин, вываливший кучу отчётов о работе лабораторий. Медики с научниками развернули бурную деятельность и накопили кое-что новое об этом мире.

Группа размещалась в научной зоне корабля, недалеко от основных реакторов. Вынесенный в глубину корпуса модуль практически не пострадал и отлично функционировал. В нём находился основной медицинский блок линкора, лаборатории, автоматизированные заводы по производству лекарств, стимуляторов, вакцин и всего остального, что необходимо для врачебной деятельности. Как и на любом крупном корабле, который потенциально может общаться с иными видами жизни, встретить новые биологические формы или просто получить удар боевыми вирусами от врага, имелась обширная база знаний, автоматика и специализированный искин, способный выделить биологическую опасность и с большой долей вероятности выработать вакцину или химические препараты.

Военмеды уже провели несколько экспериментов. К сожалению, я узнал, что наши усилия по усыплению и попытки сохранить жизни товарищей оказались бесполезны. Все, кто проявил признаки сумасшествия, теряли разум и активно перерождались в чудовищ. Мы тоже были заражены, но у нас болезнь протекала совсем не так активно, и в нашем случае это была не потеря разума, а общее ухудшение состояния организма. Заразились все, и зараза была везде. Почему заражение происходило в абсолютно герметичных скафандрах, осталось загадкой. У медиков ответов не было, но что имеем, то имеем.

Все попытки выделить саму болезнь и разработать вакцину автоматическими лабораториями корабля успеха не имели. Было найдено несколько индикаторов, которые точно определяли заразу, но расшифровать генокод или определить химический состав не удавалось. Сделать вакцину или синтезировать химическое вещество в качестве противоядия оказалось совершенно невозможно. Нужны были какие-то более солидные образцы для исследований. Как предполагали медики, зараза в нашем организме очень сильно преобразуется, становясь совершенно нераспознаваемой. Нужна либо первичная модель заражения до того, как оно начало развиваться, или уже на каких-то высших стадиях, где зараза приобретёт более окончательные формы. Всё это только предположения, которые можно подтвердить, раздобыв как можно больше мутировавших заражённых или найдя способ выудить первичный источник заражения.

Если с источником было непонятно, то где взять мутировавших, я знал. Врач хотел получить образцы как людей, так и нелюдей. Он тоже заметил, что обычно нелюди, попадая под биологическое воздействие наших вирусов и микробов, успешно дохли, причём быстро, и это не обязательно должна быть какая-нибудь свирепая болезнь. Хватало обычного воздуха, которым мы дышим, и в этом случае больные нелюди не погибали, прекрасно себя чувствуя. Возможно, это связано именно с видом биологического заражения.

Одни вопросы и никаких ответов. Напрашивалась небольшая военная операция в медмодуль, откуда пришёл Ланцет. Я сразу сбросил ученым информацию, принесённую бойцом, и, по мнению военмеда, заражённые нелюди и изуродованные люди из медблока отлично подходили. Возможно, из них удастся что-то наковырять и понять, с чем мы имеем дело.

Чего-то выжидать смысла не было. Чем дольше тянем, тем хуже всем. Похоже, необходима экспедиция по госпиталям линкора. Всё просто. Надо пробраться в медблок, откуда пришёл Ланцет, а потом пробить дорогу к блоку научно-перспективных разработок, где заблокирована группа спецов, и по возможности доставить туда как можно больше трупов для исследований. Делать всё то, что Новые люди могут лучше всего – убивать нелюдей.

Ирма и оба штурмовика были готовы через несколько минут и в нетерпении ждали меня, копающегося с машинами. Брать техников я не стал, собираясь взять как можно больше механических бойцов. Сейчас на корабле творилось не пойми что. Исчезали старые и появлялись новые отсеки, иногда с десантами нелюдей, по коридорам и техническим каналам ползали тысячи потерявших разум врагов. В большинстве своём пауки и богомолы, как самые лучшие бойцы ближнего боя, но были и жуки, и ещё куча не пойми какой дряни. Расы нелюдей невероятно разнообразны, и можно встретить что угодно. А ещё стали появляться нехорошие отсеки и куски коридоров с аномальными зонами, где отключалась электроника и даже разрывались в куски любые предметы. Пока мы с этим всем не разберёмся, ни один человек не сунет нос туда, где не побывал дрон-разведчик.

– Готовы? – спросил я штурмовиков.

– Так точно! – пришёл дружный ответ на общем канале группы.

Я постучал пальцем по стеклу шлема Ирмы, привлекая к себе внимание:

– Не геройствовать. Вначале дрон, потом ты.

– Так точно! – услышал я незамедлительный ответ моей воительницы без доли раздражения в голосе. Так рвётся в бой, что стала отвечать по уставу, а не раздражённым сопением? Это

место определённо меняет людей. Хотя после того, как из десятков тысяч человек остаются в живых чуть больше сотни, и это не боевые потери, всё остальное выглядит ничтожным.

Выдвинулись. Через две сотни метров потеряли дрона. Тридцатисантиметрового паучка разорвало на клочки в несколько миллиметров размером. Пришлось делать крюк в полкилометра. Обнаружил ещё одну гадость. Узкая зона аномалии проходила внутри стены и была толщиной в несколько сантиметров. До люка, открывающего проход из одного ангара в другой, можно было спокойно ходить, и после люка тоже, и только внутри самой двери притаилась аномалия. Машину-разведчика разорвало в тот момент, когда он переходил из одного отсека в другой. Это был ещё один дрон. Я всегда всё беру с запасом, но пришлось импровизировать.

Отрезал поручень и отдал механическому паучку, чтобы он его совал впереди себя. Одного дрона сэкономили. Металлическую трубку разорвало и оторвало манипулятор, вырвав её остаток у паучка вместе с куском корпуса. Надо потом давать команду держать железяки не так крепко, чтобы остаток трубы вырывало из манипулятора, а не отрывало с ним.

Отрезал ещё одну трубку от поручней и сунул в оставшийся манипулятор. Дал указание держать не сильно, чтобы её вырвало из металлического зажима, если разорвёт в аномалии, и не покалечило дрона. Отправил вперёд. Паук бодро забежал в отсек, передавая визорами изображение, и отключился. Немного я сэкономил. В этот раз аномальная зона была не такая сильная, поэтому дрон, стуча палочкой перед собой, словно слепой из детских сказок про древние времена, когда ещё не могли регенерировать органы, вбежал в отсек и через несколько секунд выключился. Палочка упала на пол коридора, а через секунду рядом с ней рухнуло металлическое тело паука, свалившегося со стены. Он сам выбирал дорогу, и по какой причине выбрал бег по стене, а не по полу, я представления не имею, но у него очень сложные алгоритмы, и порой действия механических существ на короткой дистанции превосходят действия разумных, если, конечно, дело не касается хитрожопости. Так мы никаких машин не напасёмся. У меня целый контейнер с дронами, я могу их перед собой десятками пускать, но если всё время так придётся пробираться по кораблю, то очень быстро путешествие из одного отсека в другой на расстояние нескольких километров станет очень затратным занятием.

Скомандовал десантником ждать, а сам встал перед люком отсека. Большая дверь, в которую могли пройти два меха, не мешая друг другу, была открыта. В просторном отсеке около стены лежало тело паучка, немного поодаль откатилась трубка, выполняющая функцию палочки слепого. Разведывательных дронов я брал с запасом, но к расточительству я не склонен, а приучен думать.

Снял со скафандра небольшой контейнер. Это были те самые камеры, которые снимал и притащил Ланцет из своего отсека. Такую камеру можно укрепить практически на любой поверхности или просто бросить. Она снимала в широком обзоре, качество так себе, зато энергии хватало на несколько лет, и каждые полгода запись заменялась, работая по кругу. Обычная, почти гражданская модель. Если есть связь с искином, камера будет передавать информацию в единую базу, если связи нет, можно потом собрать эти устройства и скачать запись вручную.

Камера была как шарик со слегка скошенным боком с одной стороны и прекрасно каталась по полу. Я взял в руку с десятков камер, активировал и швырнул внутрь отсека. Устройства чуть крупнее ногтя большого пальца человека покатались по полу, несколько секунд полежали и частично отключились, но не все. Несколько камер прекрасно работали.

Ориентируясь на оставшиеся функционирующими устройства, кинул несколько шариков рядом. Повторил несколько раз, всё яснее понимая, где остаются работающие камеры. Запустил дрона, который несколько минут бегал по ломаной кривой. Теперь контроль. Металлический паук рванул со всей возможной скоростью напрямик, на ту сторону прохода, и выключился, не добежав до противоположной стены совсем чуть-чуть.

Если расходовать по три дрона на каждый километр пути, то их точно не напасёшься, а шариков видеокамер по всему линкору миллионы, в некоторых местах их можно горстями

собирает. Ещё можно камеры в обновляющихся отсеках раз за разом снимать, набирай, сколько хочешь. А вот сможем ли мы раздобыть где-нибудь ещё дронов и тем более мехов, было большим вопросом. Раз мы оказались посреди космической пустоты, запертые среди кладбища кораблей, все ресурсы стоило экономить независимо от того, сколько их у тебя сейчас.

Теперь последний эксперимент. Точная доводка. Я для себя провёл безопасную линию, которую накидал камерами. Пододвинул ногой на несколько сантиметров камеру, подождал, потом ещё, подождать немного и повторить. Устройство сломалось примерно там, где я и ждал. Ошибся всего на несколько сантиметров. Хмыкнул своим мыслям.

Бойцы сосредоточено сопели на общем канале группы, не понимая моего занятия, и почему от такого чудного развлечения, как кидание камер на пол, мне так подозрительно весело. Поделился соображениями о новой опасности и рассказал о незатейливом способе борьбы с этим бедствием.

Двинулись к медблоку. Шли уверенно и достаточно быстро. Почти везде гравитационные демпферы работали. Эти модули расположены вблизи реактора и тоже практически не пострадали. Гравитация оказалась везде разной, от нормальной до слегка ощутимой, но практически нигде не надо было лететь в невесомости. Даже в самых больших ангарах делали небольшое искусственное притяжение. При такой силе тяжести можно руками передвигать многотонные контейнеры, но самая мелкая пыль осаживается на пол. Самое дрянное в космосе, после нелюдей, конечно – это пыль. Она была повсюду, появлялась везде, и даже совсем голый человек производит уйму пыли отмирающими частичками кожи.

Наверное, ко второй части медицинского модуля имелся ещё один проход. Мы рассчитывали найти группу заражённых тварей во второй половине, но они оказались гораздо ближе, прямо около пролома отсека, но с этой стороны. Большая щель от попадания главного калибра врага почти пополам разрывала модуль. Богомол и двое пауков были гораздо быстрее обычного, да и люди оказались странно подвижными. Два фронтальных меха и мои штурмовики открыли огонь. Первой целью атаки безумные насекомоподобные выбрали тех, кто побольше, а именно механических бойцов. Железяки разорвало за секунды, а затем богомол бросился на людей. Я стоял в узком проходе и видел происходящее глазами дронов и камерами с брони бойцов.

Ланцет вскинул руку, и здоровенное пятно теплового излучения засветило визоры скафандра. Штурмовик отпрыгнул назад и упал, уходя от мощного удара богомола. Многие нелюди с генетическими модификациями видят в световом, тепловом и звуковом спектре. Очень эффективно. Малейший шум и перепады температуры в десятые доли градуса не ускользнут от этих бойцов, а чувствительность у них просто феноменальная. Каждый раз нам попадаются варианты всё совершеннее и совершеннее, а убивать всё тяжелее.

Произошло что-то странное. В костюме Ланцета не было никаких тепловых засветок, а в руках у него обычный разгонник. Откуда вспышка, державшаяся секунды три в отсеке, где процентов десять давления от нормы? Странно. Как будто здесь обычный воздух жилого модуля? Запомнил и разбираться с этим буду позднее. Все разбежались, а богомол, упустив цель, рванулся к Ирме, которая шустро увернулась от удара и шмыгнула в узкий проход. Она как будто знала, куда ударит тварь, и за доли секунды до того, когда шипастая лапа была готова её убить, легко уходила в сторону, а потом сбежала в узкий лаз.

Богомол, не отловив мою десантницу, вернулся к Ланцету и Альбиносу, но они тоже уже забились в щель развороченной обшивки. Не найдя на ком оторваться, богомол разорвал одного из пауков и начал жрать.

Похоже, настал тот момент, когда надо остановиться и подумать. Странно всё это. Богомолы использовали достаточно лёгкие скафандры, привыкнув полагаться на свою скорость и практически неуязвимую природную броню. Эти воины могли довольно долго, до нескольких

суток находиться в космосе без всякой защиты, и совсем лёгкий, не стесняющий движений скафандр, несущий небольшой запас дыхательной смеси, был нужен только для подстраховки.

Тем временем богомол выколупал нескольких пауков из своих защитных скафандров и сожрал, что типично для поведения нелюдей. Будь то насекомые, пауки, жуки или сколопендры – такое в порядке вещей. Убитых и раненых после боя съедали. Проще вырастить новую особь, чем лечить раненого. Лечили, пожалуй, только высших или особо ценных и развитых специалистов. Я не раз видел богомолов, но это был иной и в то же время настоящий богомол.

– Надо будет брать живым, – сообщил я в общий канал. – Слушаю ваши предложения.

– Товарищ Илли, зачем? Это как живым? – раздались вопросы недоумевающих бойцов. В них слышалась нескончаемая буря эмоций и непонимания, зачем нам пленный. Хорошо, хоть не спрашивают, всё ли у меня с головой в порядке. Наверное, уже привыкли к моим нестандартным решениям. Я не стал мучить бойцов недомолвками и объяснил:

– Нам нужен образец заражённого. Возможно, нелюди и себя заразили, как и нас. Сейчас искину надо отдавать все биоматериалы, которые найдём. Мне для воспитания и вас вполне хватает, о домашних питомцах я пока не думал.

Мой ответ несколько разрядил напряжение, бойцы захихикали, а я напомнил, что пока не услышал ни одного предложения о способе поимки богомола.

Всё было не так просто. Это нетипичный образец. Тварь ухитрилась удержать два заряда плазмы от меха без видимых повреждений, но сильно пострадала, получив почти сотню попаданий из роторного орудия, и при этом ей удалось разодрать двух тяжёлых мехов. Это не дроны десантной поддержки, а почти шагающие танки, только маленькие. Массивные машины с энергетическими щитами и тяжёлым вооружением, которые пробивали проходы там, где не могли пройти штурмовые группы, были достойным противником. Но это обычно. Сейчас богомол в одиночку справился с двумя серьёзными врагами и добрался бы до нас, позволь ему проход. На наше счастье, он оказался маловат для крупной твари.

Я всё видел сам и сейчас просматривал записи с камер скафандров моих товарищей. Больше всего меня в этой истории смущали не попадания роторной пушки, исправно оставившие дырки, которые так же быстро затянулись и, возможно, через некоторое время заживут. Богомолы всегда славились своей регенерацией, и пока ты не оторвал ему голову, всегда можешь ожидать, что боец нелюдей поднимется, и тебя ударит в спину пара шипованных лап. Меня в этой истории смущали два попадания плазмы. Будь это высший паук или командир десанта жуков, их можно было бы объяснить. В тяжёлой броне есть энергетические щиты. Этот же был в обрывках скафандра, который нужен подобным воинам только для поддержания внутренней температуры, чтобы не мёрзнуть в открытом космосе. Защитой этих воинов являлись скорость и несокрушимая живая броня, которая далеко не всегда пробивалась даже из разгонных комплексов в упор.

Плазма будто скатилась с обрывков скафандра. Это новая модификация, которую нелюдям удалось вырастить втайне? Тогда должен остаться неповреждённым хитин, но скафандр! Он должен был выгореть, испариться, но ситуация явно иная. Плазма просто скатилась со скафандра, зато не сказать, чтобы самое мощное роторное орудие, предназначенное больше для уничтожения лёгких целей, исправно пробило материал и хитин, из которого брызнули струйки крови. Всё было поставлено будто с ног на голову. Никто из бойцов не обратил на это внимания, восприняв нелюдя как очередную, более совершенную и защищённую модель, а я сразу установил себе пометочку разобраться с этим в дальнейшем.

Пока я думал, богомол сделал всё сам. Это, наверное, место такое. Трещина, где прятались Альбинос и Ланцет, расходилась от пола к верху отсека. Два несущих ребра жёсткости раздвинуло разгонной болванкой, выпущенной кораблём врага. Нелюдь, дожав паука, решил достать моих штурмовиков. Вначале с разбега грохнул в проход, где укрылась Ирма, дёрнулся и попытался пролезть к Альбиносу напрямую, но поняв, что не сможет, запрыгнул к потолку, до

половины залез между разошедшимися плитами металла и немного спустился, намертво себя заклинив в разошедшемся стыке отсека. До Альбиноса и Ланцета он не доставал, но попыток пролезть дальше не прекратил, ещё сильнее заклинивая свою тушу в трещине.

Я такого не видел и не слышал о подобных случаях за всю свою жизнь. Даже самые тупые полуразумные работяги пауков не могли так поступить. Заклинить себя на пустом месте. Вся тупость мира должна сейчас собраться в этом нелюде, чтобы поступить именно так. Богомолы всегда славились хитростью и подлостью, а тут первобытное слабоумие.

В наушниках раздался голос Альбиноса:

– Товарищ непилот-капитан, вы видите?

– Да. Может, это хитрость какая? Сидите там, никто никуда не вылезает.

Пока богомол пытался таким уникальным способом поймать моих бойцов, на месте разорванного паука шёл пир. Подъев объедки за своим вожаком, несколько перекошенных людей, один паук и не пойми кто отправились выколупывать Ирму. Ещё одна странность. Атмосфера сильно разрежена, и очень холодно. Не знаю, как конкретно у этих тварей, но для обычных людей это смертельные условия, а они ничего, ходят и жрут. Искривлённые люди были одеты в лёгкие комбинезоны и совсем не выказывали признаков замерзания. Я вспомнил, как Улдис ел сам себя. Наверное, все, кто не оказался заперт в броне, должны были стать такими? Просто тем, кто в боевом скафандре, удавалось питаться только собственными щеками, а эти жрали друг друга. В медицинском блоке всегда находились люди и не обязательно раненые. Мы все проходили курсы реабилитации. Пилоты много часов проводили на крошечных корабликах в открытом космосе под действием радиации, штурмовики кололи лошадиные дозы стимуляторов, а техники весь день дышали ядовитой химией. И вот не надо! Там, где совсем опасно или ядовито, конечно, были скафандры, но ничто не заменит открытых рук и простых глаз, когда нужно спокойно диагностировать и починить железяку.

Альбинос выпустил разведчика. Электронный паучок, чуть больше кулака размером, пробежал несколько кругов вокруг богомола, используя для путешествия как пол, так и потолок, а на втором круге, оказавшись внутри щели, был схвачен нелюдем. Всё произошло столь быстро, что произошедшее можно было рассмотреть только в замедленном повторе с камер наблюдения. Зато теперь понятно, куда достают лапы богомола и что быстро ему не вылезти, а сзади и сверху подходить безопасно.

Бойцы поняли это быстрее меня, и, пока я размышлял, выбрались из укрытий и взяли в плен остальных заражённых. Они переломали ноги пауку и связали его страховочными тросами, входившими в стандартный комплект. С изменёнными людьми, какими бы они сильными ни стали из-за болезни, проблем не было. Человеческое тело не может ничего противопоставить силе сервомоторов и прочности бронепластика. Пока мои штурмовики вязали банду богомола, я занялся главарём. Дал команду дронам, они приволокли несколько кусков металла и приварили к стенкам отсека вдоль разлома, намертво зафиксировав животное. Пока оттащим к ученым остальных, а за этим позже вернусь. Мастерить нечто для транспортировки на бегу я не хотел. Нелюдь играючи разорвал двух мехов, и надо быть крайне осторожным с подобными бойцами, с которых стекает плазма.

Добрались спокойно, проверяя проходы бросками видеокамер, а затем пуская в проход дронов. За нами брёл целый караван транспортных платформ с оружием и штурмовыми скафандрами, топали боевые мехи и дроны. Я не хотел эвакуировать полностью функционирующий отсек ученым, но его необходимо вооружить и защитить. Этот мир полон загадок, и модули с умниками были сейчас важны не меньше складов с боевыми машинами.

Через несколько часов я мило общался с главным военным медиком и ученым по совместительству. Ёак и его подчинённые всё это время прыгали вокруг притащенных нами мутировавших людей и паука, пытаясь выяснить причины болезни, а по суете сразу стало понятно,

что это не просто новый штамм боевого вируса. Я с первых минут активного движения понял, что стандартным протоколом биологического подавления не отделаемся.

– Мы не можем расшифровать формулу вещества, – говорил мне главарь умников.

– Это почему? Мы можем раскладывать любое вещество до нейтрино. Если это новый элемент, то просто посмотреть атомарную структуру. Если нельзя на атомном, сделайте на молекулярном уровне.

Ёак мне улыбнулся и начал тоном профессора серьёзного вуза:

– Товарищ непилот-капитан, вот посмотрите на образец. – Военмед показал на экране некий сгусток из шариков и палочек. – Нас интересует этот элемент. Обычная молекула. Здесь, на основе молекулы тантала, собран белок. Всё просто. А это ещё одна молекула. Здесь, на основе молекулы железа, собран этот же белок, а это та же самая молекула через час. Вместо тантала и железа мы видим натрий. Есть валентность, есть атомарная структура, и если два атома кислорода прекрасно существуют вместе, то три образуют разлагающийся и очень агрессивный озон. Собрать в кучу пятьдесят атомов кислорода невозможно, а мы наблюдаем именно это. Некая молекула, нарушая все физические законы, притворяется разными металлами в органическом соединении. Её связи не соответствуют металлам и вообще ничему. Формула одинаковая, только каждый раз другой металл.

– А если подобрать заменитель для формулы? Может, это всё-таки новый элемент и мы его просто не можем распознать?

– Товарищ Илли, я боюсь строить догадки. Мы даже внутреннюю структуру понять не можем. Мы видим просто ровный монолит без всяких делений. Такое ощущение, что хитрая молекула прячется от нас и каждый раз изображает какой-то из металлов, какой придёт в голову. Нам нужна именно эта молекула, всё остальное мы можем прекрасно синтезировать. Для цивилизаций с более низким техническим уровнем всё выглядит проще. Для них это заражение грибкового типа. Некий паразит захватывает организм, а у нас иммунитет.

– И что вы тогда предлагаете делать с нашей болезнью?

– Тут всё просто и непросто. Это, наверное, место такое, – задумчиво проговорил эскулап. – У тех, кто сразу не заболел и не потерял разум, в организме вырабатывается белок, который строится на основе этой молекулы, и он является противоядием. Если в организме не будет этого вещества, то перестает вырабатываться природный антидот, и после определённого времени голодания мы переполнимся токсинами и превратимся в больных. Возможно, тоже подвергнемся мутации. Это вещество в основном концентрируется в паразитных мешках мутировавших, и чем дальше зашла мутация, тем больше вещества.

– Вы же говорили, что оно концентрируется в паразитарных мешках? – уточнил я у военмеда.

– Да, в головах заражённых.

– А почему они тогда болеют? В них же полно этого вещества?

– Не знаю. Может, нет ещё чего-то, что позволяет вырабатывать противоядие, и они просто накапливают это вещество, но не расходуют. На свете есть немало болезней, когда организм прекрасно вырабатывает необходимое вещество, а пользоваться им не может. Обычная природная реакция. Возможно, не хватает какого-то гормона, микроэлемента или просто обычного солнечного света. На ближайшее время проблема в первом приближении решена, только объяснить ничего не можем. Даже представления не имеем, с чего начинать.

– Так что нам делать?

– Как обычно. Убивать мутировавших, желательно покрупнее, тащить их головы к нам в лабораторию и швырять в биореактор.

– Так просто?

– Самое простое – это и есть самое гениальное, – с серьёзным видом произнёс военмед.

Ещё несколько дней мы находились в команде ученых. Хитрую молекулу пытались засовывать в ускоритель, выловить химическим способом и просчитать на искине научного отдела, но она никак себя не обозначала и для изучения не давалась. Создавалось ощущение, что у неё вообще нет атомарной структуры или она состоит не из элементарных частиц. Хитрожопый элемент не позволял себя изучить, хотя исправно добывался из паразитных мешков и даже в минимальных количествах выделялся из костного мозга больных людей и ядовитых желёз паука.

А ещё создатели всего это безобразия решили выдать нам поощрительный приз. Увидели, что мы прекрасно разобрались с аномальными зонами, где разрушается электроника, рвутся в клочки механические устройства, а возможно, и скафандры, и решили обозначить опасные места и поменять химическую структуру. Теперь эти области выглядели чёрными. Они постепенно чернели, приобретая тёмно-графитовый цвет. Собственно говоря, это и был графит. В местах, где такое было возможно, мы сковырнули несколько кусочков. Металл, пластик и прочие вещества на разную глубину становились соединениями углерода. Графит, графен, алмаз, фуллерен и прочие высокомолекулярные соединения. Куда девалось прежнее вещество и как это всё изменилось, осталось непонятным. Наверное, это и вправду поощрительный приз за нашу сообразительность.

Ёак развернул настоящее производство, и ученые наковыряли довольно много лекарства. Особенно много получилось с паука, который сожрал немало своих и поддел много людей в медицинском блоке. Богомол по-прежнему висел в расколе металла, а около него нёс дежурство фронтальный мех, которому я заменил модуль плазмы на два ротора. Если разогнанные шарики так хорошо пробивали заражённого, а плазма бесполезно стекала с тела, то пусть охраняет. Богомол по-прежнему не мог выбраться, но злобно реагировал на любое движение и звук и, несмотря на низкую температуру, замерзать тоже не собирался.

Несколькими партиями на дронах я отправил лекарство парням, живущим в десантном модуле на корпусе линкора, моим техникам и ещё нескольким группам, которые вышли на связь. Как только появились аномалии, уничтожающие технику и разрывающие всё, что в них попадало, я запретил кому-то двигаться и приказал обжиться на том месте, где они находятся, укреплять оборону и, пока не разобрались, что происходит, никуда не двигаться. Ещё не хватало, чтобы мы потеряли людей просто потому, что кто-то куда-то влез.

Жизнь налаживалась. Человечество, в очередной раз выжившее в самых невероятных условиях, развивало цивилизацию, обживало территорию и создавало вокруг себя комфортное пространство.

Я занимался привычными делами и хотел уже собирать экспедицию от научного отсека к моей ремонтной палубе, когда искин дал канал связи. Ещё одна группа? Но как? Где она могла быть?

– Будь на страже, товарищ Илли! – бодро поприветствовали меня по связи.

Это был командир «Собачьей кувалды».

– Ярл, это ты? Сколько у тебя людей? Почему не выходил на связь?

– Трое, со мной. Я и два пилота москитника. Нас так запрессовало, что уморились, пока проход прорезали.

– Откуда у тебя пилоты малых кораблей?

– Приблудились. Подобрали в спасательных капсулах. У одного импланты под малые зенитные ракеты заточены, а другой через базовый комплект на оружейную башню сел. Москитный флот практически выжгли, а на «Топоре палача» всё равно такой техники не было и сажать их некуда. У нас на корабле остались, а когда обожгло, так и самим выходить некуда было.

– А остальные?

– Мы одни, – коротко ответил Ярл.

Что стало с остальной сотней экипажа, я понимал. На корабле почти всю работу выполняла автоматика, распиханная по многочисленным проходам и пустотам этого странного бронированного астероида. Ответом мне было злое сопение, и дальше расспрашивать я не стал. Искин, который уже подключился к бортовой сети «Собачьей кувалды», хотел мне предложить посмотреть записи с камер, но я отмахнулся.

Большинство людей, находящихся на ремонтных палубах линкора, штурмовых ботах и предотвращающих нападение десантов нелюдей на «Топоре палача», находились в штурмовой броне и, можно сказать, легко отделались при заражении. Почти все потерявшие разум либо сами умерли от истощения, пережёвывая собственные языки, не в силах выбраться из тяжёлых скафандров, или были погружены в искусственную кому по моему приказу.

На «Собачьей кувалде» народ находился в лёгких скафандрах. Прочность корпуса крейсера была такой, что если вдруг кому-то удалось бы расковырять подобный корабль, то ударная перегрузка от раскалывающейся глыбы сплава алмазов и самых прочных и тугоплавких металлов разнесла бы любые скафандры в клочья. Большинству больных членов экипажа наверняка удалось выбраться из лёгкой одежды, выполнявшей в основном роль защиты от разгерметизации. Этим трём парням пришлось перебить всех остальных собственными руками. Всё-таки моё решение заморозить и погрузить народ в искусственную кому далось нам легче. По факту это одно и то же, но всё-таки заморозить с надеждой, а потом понять, что размораживать бесполезно, – это немножко другое, чем стрелять, глядя в обезумевшие глаза своих товарищей.

– Ярл, никуда не уходите. Поставьте что-нибудь из тяжёлого оружия на проходы и никуда не двигайтесь. Ждите. Сейчас к вам придёт дрон с лекарством. Это обязательно здесь. Вам будет лучше. Я к вам ещё на автономе несколько ударных мехов отправлю, пусть попасутся, территорию почистят.

– Так точно! Спасибо, товарищ Илли, а то что-то мы совсем хреново себя чувствуем. Уже распределили, кто кого будет убивать, когда мозги потеряем.

– Ждите. Если будут крупные нелюди, в бой вступать в крайнем случае. Вы мне нужны живыми.

Я прервал сеанс связи и переключился на остальные, не менее насущные дела.

Ещё одна группа, когда совсем уже никого не ждали. Хороший знак.

Глава 5

Стерильные гробы для перевозки союзников

Я сидел в столовой научного отсека и размышлял над этим миром и историей человечества. Подсчитывал, скольким людям удалось выжить в этой катастрофе, в которую нас сунули неведомые властители всего этого безобразия. К этому моменту нам удалось наладить связь почти со всеми, кто ответил на контроль-запрос, и даже немного больше. Ещё несколько человек выжили на среднем крейсере «Собачья кувалда», который запрессовал себя в корпус «Топора палача», придушив десант богомолов. Теперь предстояло понять, как выколупать этот летательный аппарат. Уцелевшая часть экипажа самостоятельно разобралась с заражением и, будучи замурованной в корпусе из астероида, прорезала проходы, а получив доступ к бортовой системе связи, стала искать тех, кто выжил.

Крайне вовремя. Всем остальным я уже отправил лекарство, они чувствовали себя очень плохо, но по-прежнему бились за живучесть корабля. Обошлось. Дрон с инжекторами лихо обожегал все препятствия и доставил странное вещество.

Несмотря на то что большую часть линкора занимали разодранные ангары, отсеки и развороченные склады, заполненные космическим вакуумом, было немало помещений, где имелаась атмосфера и просторные места для охотничьих угодий. По всему кораблю остались десанты нелюдей и целые отсеки с людьми в лёгких скафандрах. Если кому-то удавалось вырваться из своей брони и разодрать чужую, то заболевший получал грудку мяса, которую сжирал и рос, а дальше проще. Особенно много было богомолов. Потерявшие разум и заточенные на рукопашный бой бойцы легко крушили скафандры всех остальных и отжирались до внушительных размеров.

Ирма и Альбинос сидели около меня, придя с очередной вылазки и притащив несколько голов нелюдей. Лекарство получалось только из крупных тварей. Похоже, Новые люди перешли в следующую стадию развития. Мы не только стали побеждать нелюдей, но и начали их употреблять, пусть не в пищу, но в качестве лекарственного средства.

История Нового человечества очень проста. Вначале были просто люди, которые жили, рожали детей и мечтательно смотрели в небо, наполненное звёздами. Только-только появились первые корабли, которые смогли совершать гиперпрыжок до ближайшей звезды, ориентируясь на её гравитацию. Первая теория гиперпространственного прыжка была несовершенна и позволяла двигаться именно так.

Затем пришли они – могучая раса насекомых. Тогда люди стали Новыми и Старыми. Старые люди были беспомощными, жалкими, их легко раздавили, превратив в еду, а Новые смогли дать отпор космическим пришельцам. Молодые рожали много детей, строили корабли, придумывали оружие и добывали ресурсы. Старые уходили в расходные группы.

Обвешанные примитивными бронеплитами, сделанными по не менее примитивным технологиям, корабли, управляемые смертниками, несли ядерные заряды. Они врезались в корпуса кораблей нелюдей, подрывая себя. На каждом астероиде, на каждой базе, за каждым брошенным обломком мог находиться человек, обколотый биостимуляторами и ждущий удобного момента, чтобы подорвать заряд из расщепляющихся материалов. Огонь термоядерных взрывов был повсюду. Разумные пауки, матки жуков и высшие сколопендры очень боялись за свои вечные жизни и гибли от примитивного оружия теплокровных пачками. Нелюди ушли, чтобы вернуться, а Новые люди (других уже и не было) остались, чтобы строить корабли, учиться воевать и рожать много детей. Так закончилась первая война.

Когда нелюди пришли в следующий раз, это оказалось совсем другое человечество, другие корабли и технологии, но по-прежнему за каждым астероидом, за каждым обломком и бро-

шенной железкой, болтающейся в космосе, насекомых ждал отпор. Новые люди не считались ни со своими, ни с чужими жизнями, неся нелюдям смерть в абсолютном свете термоядерных взрывов.

Чужаки опять дрогнули, а человечество пошло вперёд за откатывающимся валом пауков и прочих негуманоидов. Каждый Новый человек делал всё для выживания вида. Появился новый тип кораблей. Покалеченных инвалидов протезировали и монтировали в несъёмные системы управления кораблей. Небольшие штурмовики, торпедоносцы и истребители не были подвержены РЭБ-атакам. Интегрируя свои нервные системы с боевыми системами корабля, Новые люди получили совершенно другие возможности. Нет ничего надёжнее, чем сигнал от мозга до кончика пальца.

Сквозь вспышки термоядерных взрывов не пролетал ни один дрон, ни одна торпеда, кроме этих маленьких юрких корабликов. Лишённые обычных чувств и нервных окончаний, заменённых на сенсоры боевого корабля, они могли оказаться где угодно, в какое угодно время, где вся электроника отказывала разом. Работала только грубая экранированная электрика, с проводами толщиной в полпальца. Примитивные блоки, большей частью состоящие из биомодулей органического происхождения, примитивного, но мощного оружия, и такой же надёжной и простой системы жизнеобеспечения.

Мозг, оружие, двигатель и уверенность в том, что делаешь. Излучение, перегрузки электромагнитные вспышки – всё было нипочём этим шустрым корабликам-смертникам, не имеющим даже посадочного модуля. Это был новый кошмар и ужас пауков. Из облака радиоактивной плазмы ядерного взрыва, пожирающего корабль-матку жуков или линкор богомолов, вырывались эти маленькие судёнышки, чтобы снова нанести удар, а потом ещё один и ещё.

Нелюди ничего не могли противопоставить этим смертникам, летающим среди расплавленного пылающего океана плазмы, а разумные высшие пауки и прочие, обладающие практически вечным существованием, боялись за свои бесценные и великие жизни. Людским маленьким корабликам дорога в один конец была нипочём, главное, чтобы хватило ресурсов, да не умереть от перегрузок и нещадной радиации до того, как сбросить заряды.

Эти боевые машины, даже не имевшие системы стыковки, иногда удавалось подобрать после боя. Выработавшие свой ресурс, они болтались в пустоте космоса и надеялись, что их найдут, чтобы снова рваться в схватку с ненавистными нелюдями, но для большинства бой оказывался всё-таки последним. Враги к этому готовы не были, как и к столкновению с Новыми людьми. Ни одной расы в известном секторе галактики.

Жуки, сколопендры и прочие насекомоподобные боялись человеческого сектора космоса. Если раньше, в начале первой войны, Новые люди отступали и делали засады внутри звёздных систем, то теперь мог прилететь крошечный корабль с гиперпространственным двигателем, рассчитанным на прыжок в один конец.

Чудной малыш, почти не фиксируемый радаром, появлялся неожиданно и подрывал себя, нанося болезненные удары, унося с собой множество врагов, порой калеча целые эскадры. Нелюди боялись, а кровожадные теплокровные не щадили ни себя, ни других и ничего не боялись. Одержимые злобой, желанием мстить и убивать, они наносили колоссальный урон.

Я сидел и наблюдал за моими штурмовиками, рассматривая Альбиноса. Больше двух метров роста, очень крупный парень действительно был альбиносом. Я даже заглянул в его личное дело. Ещё до его рождения матери предлагали сделать ген-коррекцию ребёнка, но она категорически отказалась в память о дедушке, который служил управляющим модулем на автономном торпедоносце. Дедушка тоже был альбиносом и героем. Его крошечный юркий корабль совершил восемь успешных вылетов. Выживший всеми чудесами мира, израсходовавший ресурс торпедоносец с дедушкой находили, подбирали, заряжали и вновь отправляли в бой. Тогда многие старики, раненые и покалеченные инвалиды уходили служить модулями управления, и дедушка был одним из них.

Штурмовики всегда выделялись крупным ростом. На самом деле штурмовые скафандры своими сервоприводами и бронёй компенсировали любые физические недостатки, но всегда как-то так получалось, что штурмовики были крупнее. Даже Ирма выше меня, хотя я вовсе не маленький. Как и большинство уроженцев ледяных планет, она высокая, стройная и очень подвижная, с раскосыми глазами, крупным горбатым носом и симпатичным пропорциональным лицом. Моя воительница с интересом поглядывала на бледного громилу с белым ёжиком волос, как и он в её сторону. Парни-штурмовики обычно брились под ноль или носили короткие ёжики. Очень редко можно было увидеть косматую шевелюру в несколько сантиметров.

Меня преследовало странное ощущение, что в этом месте я научился драться ногами, причём только тогда, когда надевал скафандр, неважно какой, будь то лёгкий ремонтный, штурмовой или привычный для меня технический. Тогда ноги становились моим основным оружием. Тут у многих появились весьма странные умения. Всё надо было проверить. Оба штурмовика сидели рядом, спиной ко мне. Ирма сосредоточенно жевала, как обычно с большим трудом наложив себе еды ровно столько, сколько нужно, а не больше, истребляя жиры, белки и углеводы. Она была полностью поглощена приёмом пищи.

Я отломил кусочек хлеба, свернул шарик и кинул ей в затылок. Расстояние чуть больше двух метров. Девушка не могла меня видеть и даже слышать, потому что её челюстные мышцы и зубы издавали столько звуков, пережёвывая кусок мяса, что, заползи сюда сколопендра, она бы этого не услышала. Десантница сделала лёгкое движение головой, и шарик пролетел у неё над ухом. Девушка недоумённо обернулась на меня. Я улыбнулся во всю рожу.

Не поняв, чего мне надо, моя штурмовая подруга продолжила жевать. Выждав паузу, я снова метнул шарик хлеба, а Ирма опять увернулась. В этот раз я сделал вид, что совершенно ни при чём. Немного понаблюдав за спокойно жующим мной, девушка опять вернулась к еде. Рядом с ней сидел наш Альбинос. Наверняка он боец не хуже неё. Три виброножа просто так не дают. Контрольный заброс. Шарик хлеба попал идеально, отлетев от бритого затылка громилы, который даже не пытался уворачиваться. Пока оба бойца недоумённо смотрели на своего начальника, я в уме подводил итоги эксперимента. Данные требовали тщательной проверки.

– Ирма, доедай – и пойдём. Ты мне нужна кое-что проверить. И друга своего прихвати.

Закончив еду и запив, как положено, сладким соком, мои бойцы доложились:

– Приём пищи окончен!

Мы отправились на одну из палуб ремонтного ангара. Там было тепло и вполне пригодная для дыхания атмосфера. Я снял свой скафандр и приказал:

– Ирма, Альбинос, снимайте скафандры.

Нас всех ещё в учебке учили драться. Кому-то этой науки доставалось больше, кому-то меньше, и когда девушка осталась без брони, я без предупреждения ударил её ногой. Ирма легко перехватила мою ступню в блок и вполне могла её сломать или оторвать, но начальственную конечность калечить нельзя, поэтому я отделался жёсткой посадкой. Поднявшись с пола, попробовал лягнуть нашего громилу, ударив назад, но он легко ушёл от гадкого удара, сделав вид, что ничего не произошло.

Дальнейшее продолжения этой части эксперимента смысла не имело. Пробовать напрямую ещё раз бить её друга я даже не стал. Альбинос был заметно тяжелее меня, на четверть выше, и даже по взгляду понятно, что достать его подлым ударом ноги точно не получится. Я растянул рожу в улыбке и попробовал ударить Ирму ещё раз. Она опять легко перехватила ногу в блок, не ожидая такой повторной гадости. Девушка недоумённо глянула на меня и отошла на несколько шагов, подальше от своего бешеного командира.

– Ирма, ты молодец. Одевайся в рейдер, а ты в штурмовой, – скомандовал я не понимающему моё поведение своему личному штурмовику и её другу.

На все вопросы я ответил жестом, чтобы они молчали и делали то, что я скажу. Через несколько минут мы были одеты. Я облачился в лёгкий внутренний скафандр техника, а ребята

– в штурмовые десантные. Сейчас они были почти в полтора раза больше меня. Это связано с тем, что ноги и руки десантных скафандров протезированы манипуляторами и имеют немного большую длину, чем конечности, а у ремонтного скафа руки фактически являются пластиковыми перчатками.

Я повторил то же самое, пытаясь подлю ударить ногами. Бам! Бам! Бам! Бам! М-да, чтобы драться ногами, мне точно нужен скафандр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.